

Форум «Цифровой поворот в memory studies»*

**ДАНИИЛ АНИКИН, ДЕНИС АРТАМОНОВ, ГАЛИНА ЗВЕРЕВА,
ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ, МИХАИЛ МЕЛЬНИЧЕНКО,
ОКСАНА МОРОЗ, АНДРЕЙ МУЖДАБА, ФЕДОР НИКОЛАИ,
АНАСТАСИЯ ПАВЛОВСКАЯ, АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВСКИЙ,
ЮЛИЯ САФРОНОВА, АЛЕКСЕЙ СЕНЮХИН,
СОФЬЯ ТИХОНОВА, ЕЛЕНА ТРУФАНОВА, ИЛЬЯ УТЕХИН,
ГЕОРГИЙ ШЕРСТНЁВ**

Аникин Даниил Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; dandee@list.ru

Артамонов Денис Сергеевич, доктор философских наук, заведующий кафедры методики обучения истории и обществознанию Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; artamonovds@mail.ru

Зверева Галина Ивановна, доктор исторических наук, профессор, декан факультета культурологии РГГУ, заведующий кафедрой истории и теории культуры; itk@rggu.ru

Колозариди Полина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, директор Центра цифровых гуманитарных исследований университета ИТМО; poli.kolozaridi@gmail.com

Anikin Daniil Alexandrovich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Department of History and Theory of Politics, Moscow State University named after M. V. Lomonosov; dandee@list.ru

Artamonov Denis Sergeyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Department of Methods of Teaching History and Social Studies of Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky; artamonovds@mail.ru

Zvereva Galina Ivanovna, Doctor of Historical Sciences, professor, Dean of the Faculty of Cultural Studies, Head of the Department of History and Theory of Culture; Russian State University for the Humanities (RSUH); itk@rggu.ru

Kolozaridi Polina Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Digital Humanities Center of National Research ITMO University; poli.kolozaridi@gmail.com

* Организатор форума — Центр изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге, составитель — А. Ф. Павловский. Специально написанное введение к форуму, рассматривающее проблематику теории цифровой памяти, состояние digital memory studies в России и обобщения ответов участников форума, см. в этом номере: Павловский А. Ф. «У нас больше нет никакой памяти, кроме цифровой»: Введение к форуму о настоящем и будущем digital memory studies // Культурная история. № 2. 2025. С. 209–243.

Мельниченко Михаил Анатольевич, кандидат исторических наук, руководитель центра изучения эго-документов «Прожито» и Архива Европейского университета в Санкт-Петербурге; mmelnichenko@eu.spb.ru

Мороз Оксана Владимировна, кандидат культурологии, доцент Британской Высшей Школы Дизайна, доцент Тюменского государственного университета; oxanamol@gmail.com

Муждаба Андрей Дмитриевич, разработчик центра «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге; хранитель архива арт-центра «Пушкинская-10»; a.d.muzhdaba@gmail.com

Николай Федор Владимирович, доктор философских наук, старший научный сотрудник факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; fvnik@list.ru

Павловская Анастасия Юрьевна, исследователь Центра изучения эго-документов «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге; apavlovskaya@eu.spb.ru

Павловский Алексей Федорович, ассоциированный сотрудник Центра изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге, сотрудник Центра социальных и гуманитарных наук ИТМО; apavlovskiy@eu.spb.ru

Сафронова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге; jsafronova@eu.spb.ru

Сенюхин Алексей Андреевич, редактор корпуса дневников Центра изучения эго-документов «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге; asenyukhin@eu.spb.ru

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского; segedasv@yandex.ru

Melnichenko Mikhail Anatoljevich, Candidate of Historical Sciences, Head of "Prozhito" Center for the Study of Ego-documents and Archive of European University at St. Petersburg; mmelnichenko@eu.spb.ru

Moroz Oxana Vladimirovna, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of British Higher School of Design, Associate Professor of Tyumen State University; oxanamol@gmail.com

Muzhdaba Andrei Dmitrievich, Software developer at "Prozhito" Center of European University at St. Petersburg; Lead archivist at "Pushkinskaya-10" art-center; a.d.muzhdaba@gmail.com

Nikolai Fedor Vladimirovich, Doctor of Philosophical Sciences, Senior Researcher of Social Sciences Faculty of State University named after N. I. Lobachevsky at Nizhny Novgorod; fvnik@list.ru

Pavlovskaja Anastasiia Yurievna, Research Fellow at the "Prozhito" Center for the Study of Ego-documents, European University at St. Petersburg; apavlovskaya@eu.spb.ru

Pavlovskii Aleksei Fedorovich, Associate Fellow at the Center for the Study of Cultural Memory and Symbolic Politics of the European University at St. Petersburg; Fellow at the Center of Social Center of Social Sciences and Humanities of National Research ITMO University; apavlovskiy@eu.spb.ru

Safronova Julia Alexandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of European University at St. Petersburg; jsafronova@eu.spb.ru

Seniukhin Alexei Andreevich, editor of diaries' corpora, "Prozhito" Center for the Study of Ego-documents, European University at St. Petersburg; asenyukhin@eu.spb.ru

Tikhonova Sofia Vladimirovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Theoretical and Social Philosophy Department of Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky; segedasv@yandex.ru

Труфанова Елена Олеговна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН; профессор Государственного академического университета гуманитарных наук; iph@etrufanova.ru

Утехин Илья Владимирович, кандидат исторических наук, ассоциированный научный сотрудник факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге; ilia@eu.spb.ru

Шерстнёв Георгий Александрович, архивист Центра изучения эго-документов «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге; gsherstnev@eu.spb.ru

Аннотация: Научный форум «Цифровой поворот в memory studies» посвящен новейшему направлению в изучении культурной и коллективной памяти о прошлом — цифровой памяти. В конце 2023 г. Центр изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге организовал этот форум, следствием чего возникла оживленная дискуссия среди российских историков, архивистов, философов, культурологов, социологов, антропологов и специалистов по медиа, участвующих в формировании нарождающегося поля digital memory studies (DMS) в России. Участники обсудили наиболее актуальные и недооцененные исследовательские проблемы и подходы, связанные с изучением цифровой памяти. Гости форума комментировали теоретические и методологические сложности при работе с различными посредниками памяти (социальные медиа, видеохостинги, цифровые архивы, нейросети, видеоигры, интернет-мемы и др.) и затрагивали дисциплинарные различия в изучении цифровой памяти и возможность междисциплинарного диалога. Наконец, авторы делились своими прогнозами того, какие условия повлияют на будущее развитие DMS в России, учитывая, с одной стороны, повсеместную активизацию политики памяти в Интернете и вмешательство интернет-корпораций, а с другой — неизбежный рост интереса к дигитализации всех сторон жизни, включая культурную память и политику памяти — в эпоху, когда memory studies, вполне возможно, очень скоро перестанет восприниматься без приставки digital.

Trufanova Elena Olegovna, Doctor of Philosophical Sciences, Leading Research Fellow at the RAS Institute of Philosophy; Professor of the State Academic University for the Humanities; iph@etrufanova.ru

Utekhin Ilya Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Research Fellow of the Department of Anthropology of the European University at St. Petersburg; ilia@eu.spb.ru

Sherstnyov Georgiy Aleksandrovich, Archivist of "Prozhito" Center for the Study of Ego-documents and Archive of European University at St. Petersburg; gsherstnev@eu.spb.ru

Abstract: The scientific forum "Digital Turn in Memory Studies" is dedicated to the newest direction in the study of cultural and collective memory of the past — digital memory. At the end of 2023, the Center for the Study of Cultural Memory and Symbolic Politics of the European University in St. Petersburg organized this discussion, sparking heated debated among Russian historians, archivists, philosophers, cultural scientists, sociologists, anthropologists and media specialists involved in shaping the emerging field of digital memory studies in Russia. The participants discussed the most relevant and underappreciated research problems and approaches related to the study of digital memory. The guests also commented on the theoretical and methodological difficulties in working with various memory intermediaries (social media, video hosting, digital archives, neural networks, video games, Internet memes, etc.) and touched upon the disciplinary differences in the study of digital memory and the possibility of interdisciplinary dialogue. Finally, the authors shared their forecasts on what conditions will affect the future development of DMS in Russia, taking into account, on the one hand, the widespread tightening of Internet policy and corporate interference, and, on the other, the inevitable growth of interest in the digitalization of all aspects of life, including cultural memory and memory policy — in an era when memory studies, quite possibly, will very soon cease to be perceived without the digital prefix.

Ключевые слова: теория культурной и коллективной памяти, цифровая память, digital memory studies, междисциплинарные исследования, цифровая модерность, цифровой поворот в социальном и гуманитарном знании.

DOI: 10.33280/3034-3216.2024.51.42.008

Keywords: theory of cultural and collective memory, digital memory, digital memory studies, interdisciplinary research, digital modernity, digital turn in social science and humanities.

Daniil Anikin, Denis Artamonov, Galina Zvereva, Polina Kolozaridi, Mikhail Melnichenko, Oksana Moroz, Andrey Muzhdaba, Fedor Nikolai, Anastasiia Pavlovskaya, Aleksei Pavlovskii, Alexei Seniukhin, Julia Safronova, Sofia Tikhonova, Elena Trufanova, Ilia Utekhin, Georgiy Sherstnyov

Digital turn in Memory studies: Forum

В конце 2023 г. Центр изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге организовал форум «Цифровой поворот в memory studies», участниками которого выступили авторитетные российские историки, архивисты, философы, культурологи, социологи, антропологи и специалисты по медиа, занимающиеся проблемой цифровой памяти. Данный форум был приурочен к выходу сборника «Память в Сети: цифровой поворот в memory studies» (2023)¹, подготовленного Центром на основе докладов участников конференции «Политика памяти в Сети», состоявшейся 29–31 октября 2021 в ЕУСПб. Целью нового масштабного обсуждения было заострить внимание к изучению коллективной памяти в цифровую эпоху в более широком междисциплинарном ключе, чем это было раньше. Так, гостям форума было предложено ответить на четыре актуальных вопроса в условиях нарождающегося поля digital memory studies в России:

- Какие исследовательские проблемы и подходы, связанные с изучением «цифровой памяти» о прошлом, являются, на Ваш взгляд, наиболее востребованными или недооценёнными в контексте развития digital memory studies в России и в мире? Почему?
- Какие сложности или перспективы (теоретические, методологические, эвристические), на Ваш взгляд, возникают при работе с посредниками «цифровой памяти» о прошлом (социальные медиа, цифровые архивы, смартфоны, нейросети, видеоигры etc.), учитывая их большое разнообразие? Какой посредник привлекает Вас как предмет исследования больше и почему?

1 Память в Сети: цифровой поворот в memory studies / под ред. А. Ф. Павловского и А. И. Миллера. СПб., 2023.

- В чем Вы видите дисциплинарные различия в изучении «цифровой памяти» о прошлом представителями разных социальных и гуманитарных наук? Что делает Вашу дисциплинарную оптику особой?
- Какие условия, на Ваш взгляд, повлияют на развитие digital memory studies в России, учитывая активизацию политики памяти в интернете и при этом неизбежный рост интереса к дигитализации всех сторон жизни, включая культурную память? Какие сценарии Вы прогнозируете?

ЗВЕРЕВА Г. И.,

доктор исторических наук (РГГУ)

В настоящее время в мировом междисциплинарном пространстве memory studies уже сложился огромный корпус научных текстов, в которых проблемы цифровой памяти обсуждаются как в теоретико-методологическом, так и в научно-прикладном планах. Расширение и усложнение проблемных полей digital memory studies связано с разработкой новых познавательных подходов к исследованию феноменов коллективной и личной (индивидуальной) цифровой памяти, использованием современных методов и техник анализа изучения этих феноменов.

Важно отметить процесс динамичного разрастания, семантического изменения и качественного обновления ключевых понятий в корпусе текстов digital memory studies. За последние 15–20 лет научный лексикон исследователей цифровой памяти пополнился такими ключевыми понятиями и метафорами, как медиатизированная память (отличное от ранее введенного в оборот понятия «медиа память» как память в разных медиа); коллективная память; разнонаправленная память; «путешествующая» память; «серая» память; «третичная» память; экранная память; алгоритмическая память; социотехническая память; память, опосредованная технологиями, и мн. др. Введение в методологический арсенал новых понятий как категорий анализа цифровой памяти стимулирует исследователей к существенной корректировке содержания и границ использования таких сложившихся ключевых конструктов, как «социальная память», «коллективная память», «индивидуальная память», «коммуникативная память» и др.

Самостоятельное поле в digital memory studies образуют теоретические работы, в которых обсуждается специфика пространственно-временных режимов цифровой памяти. Исследователи уделяют повышенное внимание изучению разных мест производства цифровой памяти в медиатизированной среде. В их числе — государственные и общественные цифровые документальные хранилища, цифровые платформы, сайты, блоги, персональные компьютеры, мобильные устройства и мн. др. Особое место в digital memory studies занимает обсуждение проблем целеполагания, проектирования, производства и сохранения «памятных» продуктов, средств их репрезентации и продвижения в социальных коммуникациях. Современные научные наблюдения за процессами производства цифровой памяти о прошлом дают основания полагать, что в условиях медиатизированного общества заметно смягчаются границы между способами профессиональной и любительской «работы» с коллективной и индивидуальной памятью.

В настоящее время в исследованиях цифровой памяти все большее значение приобретает специализированное изучение деятельности разных видов цифровых архивов личной памяти о прошлом (государственных и общественных, профессиональных и любительских). Интерес исследователей сосредоточивается на том, каким образом в процессе перевода персональных воспоминаний в документальные хранилища и различные форматы социальных медиа, как в ходе цифровой трансформации индивидуальной памяти о прошлом на разных этапах срабатывают различные модусы сборки, сохранения, передачи памяти о прошлом. Так, в соответствии с используемыми алгоритмами индивидуальные воспоминания преобразуются в многообразные целостные или фрагментированные цифровые «истории» с особенностями внутренней организации времени и пространства, многоголосием нарраторов, дискурсивной спецификой и проч.

В последние годы исследователи все чаще обращаются к специальному изучению социотехнических проблем производства цифровой памяти в разных форматах, акцентируя внимание на особенностях самого процесса документирования личных воспоминаний и отличительных чертах их представления в цифровом архиве в виде совокупности данных. Каждое

изменение, происходящее в современных цифровых технологиях, переопределяет представления о памяти о прошлом, о способах и форматах ее производства и сохранения. В этой связи самостоятельный научный интерес представляет изучение проблемы социотехнического «старения» данных цифрового архива памяти и возможностей его преодоления в условиях новых глобальных технологических сдвигов.

В ходе исследований цифровых архивов памяти о прошлом постоянно возникают все новые вопросы, ответы на которые могут помочь в понимании трансформаций, происходящих с индивидуальными воспоминаниями в процессе их цифрового документирования и каталогизации. Что происходит с индивидуальными воспоминаниями, когда они, будучи собранными и обработанными в цифровом архиве, способны выражать себя не только в особом техническом формате, но и в иной социокультурной форме? Какими средствами достигаются эффекты аутентичности, материальности и иммерсивности личных «памятных историй» в процессе их репрезентации в цифровом архиве?

Актуальным и перспективным полем исследований представляется рассматривать цифровой архив памяти как сложный, динамичный цифровой объект с мультимодальными свойствами.

Важно отметить, что в современном мире архивы, музеи, библиотеки, социальные медиа, видеоигры, мобильные устройства выполняют далеко не только ставшую для многих привычной функцию «посредников» памяти о прошлом. Это полноценные акторы самостоятельного производства цифровой памяти и ее конституирования в социальной реальности. В своей деятельности, как известно, они соединяют в себе человеческое (когнитивное, интеллектуальное, социальное) и внечеловеческое (программное обеспечение, цифровые технологии, алгоритмы). При этом стоит различать их возможности и границы в сборке сегментов цифровой памяти и преобразовании в различные форматы и кластеры.

В интердисциплинарных digital memory studies отчетливо прослеживаются «точки схода» исследователей, представляющих разные социальные и гуманитарные дисциплины. Тем не менее в каждой дисциплине остаются значимыми «свои»

приоритеты и модусы при разработке проблемных полей цифровой памяти о прошлом. Такие различия во многом обусловлены сложившейся дисциплинарной приверженностью к надежному теоретико-методологическому инструментарию и опробованному (разделяемому во внутривидовом сообществе) понятийному аппарату. Из этого следует, например, то, что многие российские профессиональные историки, изучающие специфику цифровой памяти о прошлом, не стремятся к проблематизации и различению современного содержания понятий «история» и «память». Пока единичными выглядят обращения российских и русскоязычных историков к теоретическим и методологическим разработкам цифровой памяти в когнитивной психологии. По-прежнему в российской исторической науке (как и в других социальных и гуманитарных дисциплинах) остаются практически невостребованными методологические открытия, которые совершаются при изучении цифровой памяти в современной биологии и информационных технологиях. Немалую роль в процессах «торможения» при выборе историками проблемных полей и способов изучения цифровой памяти о прошлом играет тактика научного самоограничения и внутренней цензуры.

Между тем в социальных коммуникациях сейчас заметно обнаруживает себя возрастание общественного запроса на производство и потребление разных видов и форматов цифровой памяти о прошлом. Перед российскими профессионалами, — теми, которые создают новые пространства цифровой памяти и организуют доступ к ним массовых аудиторий, а также теми, которые изучают процессы бытования такой памяти в медиатизированной социальной среде, — стоит непростая задача: быть услышанными и востребованными в обществе.

ТРУФАНОВА Е. О.,

доктор философских наук (ИФ РАН, ГАУГН)

Прежде всего, надо понимать, что digital memory studies это не отдельная дисциплина, также как не являются дисциплиной memory studies. Это определенное тематическое поле междисциплинарных исследований, связанных с феноменом памяти и его трансформаций под влиянием цифровизации. В рамках

этого поля представители разных дисциплин обращают внимание на разные проблемные аспекты.

Если в такой относительно новой области исследований, как digital humanities (цифровые гуманитарные науки), речь идет скорее о применении новых цифровых методов в гуманитарных исследованиях при сохранении объекта исследований, то в digital memory studies появляется новый объект — цифровая (или оцифрованная) память. Цифровая память с учетом современных технологических возможностей представляет принципиально новый феномен, особенно если мы говорим об индивидуальной цифровой памяти: ведь если коллективная память так или иначе опирается на архивы, на внешние источники, да и просто на других людей — членов коллектива-носителя памяти, то индивидуальная память до недавнего времени была сугубо интимной сферой, к которой имел доступ только один человек — непосредственный носитель этой памяти.

Из дисциплин, исследующих память, именно философия представляет собой «мостик» между исследованиями памяти как когнитивного процесса, реализуемого в индивидуальном мозге человека, и исследованиями памяти как социального феномена, пытаясь предложить общие методологические подходы к исследованиям этих различных аспектов проблемы памяти². Это касается и проблемы цифровой памяти, которая в то же время погружена в более широкий контекст философского осмысления тех трансформаций человеческого бытия и самого человека, которые происходят под влиянием цифровизации. Здесь наиболее важным новшеством, вносимым цифровизацией, становится процесс «овнешевления» памяти и ее хранения в цифровых архивах. Сам процесс использования внешних ресурсов для подкрепления естественной памяти далеко не нов — он появляется практически одновременно с появлением человеческой культуры; но с развитием цифровых технологий приобретает принципиально иные масштабы. В другие эпохи я могла доверить свои воспоминания личному

2 Емельянова Н. Н., Лекторский В. А., Летняков Д. Э., Розов А. В. и др. Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: Коллективная монография / под ред. Е. О. Труфановой (отв. ред.), Н. Н. Емельяновой, А. Ф. Яковлевой. М., 2022.

дневнику, и если бы некий злоумышленник выкрал бы его у меня, то мог бы получить доступ к моим личным тайнам. Сейчас множество моих действий, совершаемых как в цифровом пространстве, так и за его пределами, сохраняется без моего на то желания или ведома: не только мои сообщения в Сети, но и банковские транзакции, перемещения в пространстве, медицинские анализы и т. д. — вся эта информация принадлежит не только мне, она фиксируется в цифре и хранится на внешних серверах, к которым могут иметь доступ совершенно разные люди и организации. Спустя годы цифровые алгоритмы могут доставать из цифровых архивов и предъявлять мне, к примеру, фотографии 10-летней давности, хранящиеся в моем цифровом «облаке», которые напоминают о событиях, о которых я иначе вполне могла никогда и не вспомнить. Моя цифровая память становится, с одной стороны, уязвимой с точки зрения потенциальной открытости для посторонних глаз, а с другой — навязчивой, напоминающей мне к месту и не к месту о событиях, которые, возможно, я хотела бы забыть, или же которые просто не имеют для меня значения. Помимо проблемы с уязвимостью приватности моей памяти здесь возникает также проблема информационной перегрузки: если естественная память неявным образом производит «сортировку» моих воспоминаний, сохраняя наиболее важные для моей текущей деятельности и отодвигая на второй план неважные, то цифровая память не обладает способностью расставлять подобные приоритеты, и когда я обращаюсь к ней, мне нужно самой пробираться через сохраненные «большие данные» в поисках нужной мне информации. Одновременно с этим наличие цифровой памяти заставляет человека иначе использовать ресурсы естественной памяти (например, не нужно самому запоминать номера телефонов, даты дней рождения друзей и т. д. — все это «подскажут» цифровые устройства), наличие доступа к цифровым ресурсам превращает необходимость «зубрить наизусть» какую-то информацию в излишнюю (или все же нет?) трату времени и сил, что в свою очередь требует серьезной реформы в подходе к образованию. Представляется, что изучение изменений в когнитивной деятельности человека в условиях существования цифровой памяти должно занимать одну из приоритетных ролей в рамках digital

memory studies, — речь идет о том, как меняются наши способы работы с информацией при наличии цифрового ресурса памяти.

В то же время исследования памяти наиболее широко представлены именно в формате исследований коллективной памяти (социальной, исторической, культурной и т. д.), это распространяется и на DMS. В этой сфере наибольшую проблематичность, с моей точки зрения, представляет сфера «фейков» и «дипфейков» — цифровых объектов, передающих ложную информацию, подделок, способствующих формированию ложной коллективной памяти. В ситуации, когда событие происходит не у нас на глазах, но мы лишь воспринимаем его отражение в цифровом мире, провести грань между реальностью и «фейком» становится все сложнее, неслучайно одним из доминирующих в общественной риторике становится тренд «постправды», ведь поиск правды оказывается невозможным. В итоге подлинные и ложные цифровые основания памяти перемешиваются, формируя множество вариаций коллективных памяти, большинство из которых будет являться не столько памятью, сколько конфабуляциями, где реальное сочетается с вымыслом. Здесь по-новому остро разворачивается старая эпистемологическая дискуссия конструктивизма и реализма³.

Ужесточение контроля над интернетом, в том числе в целях борьбы с фейками, не решает этой проблемы. Сценарии, в которых только один нарратив, поддерживаемый теми или иными политическими силами, будет доминировать, заставив замолчать других рассказчиков, сейчас вряд ли возможен. Цифровая память будет оставаться множественной и изменчивой, дробясь на множество «памятей», каждая из которых стремится заявить о себе, противореча всем остальным. В связи с распространением т. н. «культуры отмены» (а ее методы могут успешно применяться не только в рамках западной культуры) все чаще встречается феномен пересмотра прошлых событий и прошлого поведения человека с точки зрения новых «ценностей», что делает коллективную цифровую память крайне ненадежным источником. По сути современная коллективная цифровая память

3 Труфанова Е. О. Эпистемологический реализм как необходимое условие диалога // *Studia Humanitatis Borealis*. 2022. № 4 (25). С. 3–13.

рискует пойти по сценарию, описанному Джорджем Оруэллом, где в качестве Министерства правды будет выступать не столько определенная политическая структура, сколько активное цифровое сообщество, которое, ориентируясь на текущую «модную повестку», будет решать, что и как мы должны помнить и как нам оценивать то прошлое, которое помним не только мы, но и Сеть.

В целом, мне представляется, что digital memory studies необходимо рассматривать прежде всего как часть цифровой антропологии, изучающей то, как человек взаимодействует с современной цифровой средой, как он меняется под ее воздействием, адаптируясь к новым условиям жизни. Все прочие аспекты исследований цифровой памяти будут являться расширениями или надстройкой над этой фундаментальной антропологической проблематикой.

ТИХОНОВА С. В.,

доктор философских наук (СГУ им. Н. Г. Чернышевского)

Изучение цифровой памяти на сегодняшний день поднимает две проблемы, связанные с прилагательным «цифровой». Первую мы унаследовали еще из XX в. — исследователи раннего интернета констатировали в 1990-х гг. ушедшего столетия обусловленную коммерческой тайной непрозрачность (как для общественного контроля, так и для академического сообщества) алгоритмов работы поисковых машин, обеспечивающих пользователю ту или иную конфигурацию выдачи ссылок по запросу. В настоящее время к этой непрозрачности работы поисковиков добавляется непрозрачность алгоритмов «умных» лент социальных сетей, осложняющая различение вклада машин и людей в функционирование цифровой памяти. Вторая, напротив, происходит из современного состояния гуманитарного образования, далекого от формирования адекватных исследовательских компетенций, связанных с методологией цифровой гуманитаристики. Изучение цифровой памяти длительное время будет испытывать влияние классической (с точки зрения инкорпорированности в культуру печатной книги) гуманитарной методологии, в которой цифровая мнемоническая активность может рассматриваться только как текстовый нарратив.

Рост интереса к цифровым посредникам невозможен вне исторического подхода к развитию интернета, учитывающего не только взаимосвязь и последовательность развития конкретных цифровых технологий, но и детализацию их коммуникационного репертуара. Сама концепция коллективной памяти неразрывно связана с линейными традиционными медиа, работа с которыми требует культуры абстрагирования. Если сравнивать историю книжной культуры и историю интернета, возникает соблазн отождествить последнюю с сегодняшним днем, настолько она кажется короткой и недолгой. Тем не менее каждые десять лет интернет-коммуникация меняется настолько, что возникают поколенческие разрывы во взаимодействии пользователей. Разнообразие технологических решений сервисов интернета и динамика их популярности, функциональные возможности смартфонов различных поколений, технические особенности коммуникации в разных социальных сетях — все это дает широчайший спектр особенностей формирования коллективных воспоминаний, сила психоэмоционального воздействия которых намного превышает силу печатных медиа. И все это создает опасность фрагментации исследований цифровой памяти, когда каждый уходит только в свою нишу и занимается исключительно онлайн-играми или тг-чатами, которые внезапно (для исследователя) выходят из моды и теряют статус активного голоса памяти. Такие исследования быстро утрачивают актуальность, сложно сохранить диахроническую преемственность между ними. Кроме того, для них характерна абсолютизация автономии исследуемого цифрового посредника, не позволяющая учитывать синергию трендов в цифровой медиасреде.

Поскольку я философ, и моя задача — обобщение, любые дисциплинарные различия я воспринимаю как набор ограничений, вытекающих из природы базового для данной дисциплины метода, причем метода в широком смысле: как историки учат историков быть историками; как филологи учат филологов быть филологами и т. д. Во всех этих случаях речь идет о разных способах работы с текстами, при этом до перехода к разным способам работы с цифровыми данными пока что далеко во всех дисциплинах. Моя дисциплинарная оптика связана с последним постметафизическим трендом, который можно определить как

переход к плоским онтологиям. Это версии онтологий, не имеющих классического разделения на активный субъект и пассивный объект, для которых характерен отказ от иерархий в сторону контингентности, в которых способность действовать равно признается за неживым предметом, животным, умной машиной и человеком, но сами действия при этом отнюдь не уравниваются. В социальной философии всегда остро стояла проблема перехода от индивидуального к коллективному, связанная с определением социального субъекта. Понятно, как совершают социальные действия дееспособный человек, у которого есть мировоззрение, мотивация, жизненные планы и т. п. Как совершают социальные действия социальные группы? Этот вопрос о статусе социального субъекта прямо относится и к проблеме коллективной памяти — а кто, собственно, помнит? Когда на социальную арену начали выходить цифровые посредники и слабый искусственный интеллект, категориальных рамок, используемых на протяжении XX в. для описания социальных субъектов, стало не хватать на новые решения новых задач, они стали очень тесными. Сейчас мы будем вынуждены пересматривать базовые положения социального конструктивизма (а коллективная память чаще всего рассматривается как социальный конструкт) в сторону социальной онтологии актантов. Соответственно, мы получим новую методологическую драматургию, в которой активность цифровых посредников (агентов цифровой памяти) будет моделироваться принципиально иначе.

Что касается перспектив развития digital memory studies в России, то они в основном будут зависеть от государственной политики в области цифрового общества. Рамочно у нас она определена стратегией развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг., и, согласно ей, наша страна стремится к цифровой экономике, информационное пространство которой основано на знаниях. Иначе говоря, тиражируемая в нем информация должна быть объективной, достоверной и безопасной, что автоматически предполагает возможность/необходимость ее контроля по заявленным параметрам. Если технологический суверенитет потребует перехода к национальной модели интернета, то, конечно, мы получим четкую национальную специфику в работе алгоритмов интернета. При этом стоит помнить, что,

например, социальные медиа и так стихийно стратифицируются в зависимости от ориентации на язык общения, и в этом качестве потенциальные изменения слабо затрагивают, собственно, Рунет. А вот зоны обмена в иностранных социальных сетях в этом случае продолжают тенденцию на схлопывание. И там и там будет развиваться цифровая память и ее исследования, но вот гомогенность самого объекта уйдет в прошлое с эпохой бурной глобализации. Ну и, на мой взгляд, темпы цифровизации образования пока далеки от того, чтобы дать качественный прорыв в цифровой гуманитаристике (а цифровая память — ее объект), здесь будет работать традиционная модель смены поколений: когда уйдут те, кто родился до эпохи цифры, вся коллективная память станет цифровой или цифровизированной.

КОЛОЗАРИДИ П. В.,

*кандидат социологических наук (директор
международного центра цифровых гуманитарных
исследований университета ИТМО)*

Проблема цифровой памяти начинается с вопросов о том, что такое «память» и как она представлена в цифровом контексте. Не принимаем ли мы за нее нечто метафорическое? Например, не смешиваем ли память людей и машин (в кибернетическом стиле)? Является ли действие и проявление внимания, фиксируемое в интерфейсе, — переживанием, памятованием или объектом памяти?⁴ Возможно ли применить понятие «памяти» к артефактам, произведенным цифровыми инструментами?

4. Возможность такого вопрошания в данном случае принадлежит полям медиа-философии, философии техники. Например, проблематизация интерфейса и его генезиса присутствует в работах Александра Гэллоуэя (*Galloway A. R. The Interface Effect. Cambridge, 2012*) и Михаила Куртова (*Куртов М. К теологии кода. Генезис графического пользовательского интерфейса. СПб., 2014*). Социально-политический и культурный анализ интерфейсов — в интернет-исследованиях и цифровой антропологии, например, у Даны Бойд и Элис Марвик (*Marwick A. E., Boyd D. Networked privacy: How teenagers negotiate context in social media // New media & society. 2014. № 16 (7). P. 1051–1067*), Аннетт Маркхэм (*Markham A. The limits of the imaginary: Challenges to intervening in future speculations of memory, data, and algorithms // New media & society. 2021. № 23 (2). P. 382–405*). Эти подходы диктуют разные эпистемические позиции, которые порой оказываются слабо различимыми при обобщении в отдельное поле «исследований цифровой памяти».

Следует ответить на эти вопросы, чтобы не путать цифровые объекты с тем, что является предметом воспоминания. Например, мы помним поездку в горы и делаем фотографии гор. Но сами фотографии не являются памятью, если мы не применяем к ним компьютерных метафор⁵. Тем более метафоричными и обманчивыми является понятие *цифровых следов*, и ниже мы рассмотрим, как возникают эти метафоры и почему следует относиться к ним с долей недоверия.

Проблема цифровой памяти начинается с фиксации. В силу совпадения слов *память* у человека и *запись в память* компьютера мы можем случайно путать эти понятия в речи. Но склонность к фиксации не является следствием появления смартфона, а существует в плотных культурных контекстах⁶. Более того, использование мобильных устройств предполагает, что фиксация и припоминание, например публикация в социальном медиа, — это разные действия.

То, что зафиксировано в памяти вычислительных устройств и представлено на экране, кажется объектом само по себе: его не нужно называть, можно указать на него пальцем или переслать в мессенджере со словами «Смотри-ка, что это!». Такой тип использования цифровых объектов становится отдельным и требующим специального анализа, скажем, визуальной расшифровки (на что справедливо указывает в своем тексте Илья Утехин).

Но интерфейсы цифровых медиа предполагают, что происходящее в их рамках — это предмет припоминания и совместного переживания. Мгновенные эмоциональные реакции на личное горе или общую радость становятся словами, скриншотами из слов, фотографиями и видеосообщениями. Формально они без отлагательств входят в состав личного или общественного цифрового архива (в любом мессенджере или социальной сети). И конечно, складываются в базах данных приложений или сайтов, которые предоставляют услуги для разных пользовательских

5 Метафоры могут указывать на наличие воспоминаний, аналогичных памяти машин: оперативной и долговременной, подобной воображаемому хранению на жестком диске. — П. К.

6 Подробнее об этом можно прочитать, например, в исследованиях проекта "Why we post". Miller D., Sinanan J., Wang, X., McDonald T., at al. How the World Changed Social Media. London, 2016.

нужд: от регистрации в банке до посещения музея. Впрочем, как справедливо замечают коллеги из «Прожито», вопрос о статусе архива — или цифровой платформы как части события — является спорным.

Неопределенный статус цифрового архива запутывает нас в интерпретации того, *архив чего* мы видим в интернете или базах данных. Ведь взаимодействия вокруг него принадлежат не тем ситуациям, в которых происходят события. Так, предметом интереса цифровых гуманитарных проектов может быть уже не архив, а рассказ о событиях — от свадьбы друзей до начала войны. Это создает проблему дистанции между фиксацией и представлением (или репрезентацией): как будто события и производятся для того, чтобы их участники были увидены, изучены и запомнены. Следовательно, мы уже не можем говорить о том, что занимаемся одним и тем же предметом: названия «архив» и «память» в цифровом контексте требуют всё больше уточнений.

Как справедливо отмечает Юлия Сафронова, наше отношение к техничности памяти наследует пессимизм, который встречается еще у Платона (в диалоге «Федр» он приводит историю появления письменности как отчуждения человека от памяти). У этого пессимизма есть основания, лежащие в основаниях дисциплинарного знания. Каждая дисциплина — история, социология, филология — предполагает разный тип дистанции между событием и способом его подлинного воспроизведения. В междисциплинарной ситуации мы не можем гарантировать соблюдения правил доступа к верному сопоставлению зафиксированного и воспроизведенного. Так, для историков ключевым является понятие источника, а у филологов различается текст и его контекст. Инструменты анализа тоже будут отличаться — лингвисты будут обращать внимание на структуру предложений, а социологи анализируют ситуации действия.

Как пользователи, мы нечасто задумываемся о тонкостях дисциплинарных различий. Как исследователи — мы вынуждены рефлексировать их постоянно. Ведь от того, как именно мы распознаем пост в социальной сети или сообщение в мессенджере, зависит то, каким инструментом пользоваться при его интерпретации. Читая тексты форума, в том числе и эту статью,

мы можем видеть в нем акты общения (думая как социолог). Понимая тот же материал как архив или текст, мы относимся к нему как к источнику фольклорного знания или анализируем языковые конструкции.

Проблема переkreщивания дисциплинарных и познавательных оснований недооценена. Она часто решается цифровыми методами, но они не дают представления о подлинной природе памяти и события. Так, если мы изучаем социальные сети с помощью количественных метрик, то быстро переходим от частоты употребления слова к кластеризации групп пользователей, чаще других использующих это слово. Оксана Мороз в своем высказывании обращается к этому в контексте *software studies* (*исследований программ*), предполагающим, что метод соответствует предмету (а не теории), отчасти решает проблему неразличимости объекта, хотя не упрощает междисциплинарной работы. Переход между типами дистанции от исследователя до объекта происходит подчас незаметно, не требуя теоретического анализа в каждом отдельном случае. Это становится трагикомичным в изучении отдельных казусов, когда для исследования публикаций в «Ютубе», например, применяются разом теории Никласа Лумана, Элвина Тоффлера, Жана Бодрийяра и концепции нейробиологов вдобавок.

Различение между объектами наблюдения, типами использования цифровых артефактов и позициями исследователей необходимо. Но некоторые различия заставляют нас принимать двойственность объектов познания, напоминающую понятие квантово-волновой теории в физике (то есть понимать память одновременно как набор артефактов и часть жизненного потока). Перед нами оказываются и отдельные фразы/изображения, и потоки сообщений и реакций. Для того чтобы интеллектуально честно признать их двойственность, исследователям приходится выходить из своей дисциплинарной области и признавать права истории, филологии, социологии, антропологии, а также субдисциплин на интерпретацию. Но за одним таким признанием не следует общего решения. Общее решение может дать не история и картография наук, а спор между дисциплинами.

Сейчас мы видим скорее противоположную тенденцию: выделяются отдельные направления вроде исследований «Инста-

грама»⁷, архивов или цифровой смерти. Эти исследования подхватывают порой случайные инструменты из разных дисциплин, чтобы через бриколаж из подходов склеить хоть какое-то основание для исследования. И это ценно: на стыке направлений появляются, например, подходы к цифровой памяти как работе с артефактом и исполнением памятования как действия, изучение самоописаний цифровых объектов. Но возможность самоописания, собственного языка объекта исследования заслуживает отдельной проблематизации.

Проблема подлинности памяти и события не решается, если мы продолжим идти по пути умножения подходов. Равнодушие к дисциплинарным основаниям тем более достойно дискуссии и реакции, чем больше инструментов фиксации имеется у других интересантов, помимо исследователей. «Большие данные» нужны корпорациям и государствам, их «социальные последствия» заботят активистов и художниц (уже как последствия). Наконец, сами мы как акторы социальных миров и исследователи включаемся в то, чтобы проанализировать свой архив, материалы селф-трекинга на телефоне и осознать, что из этого является памятью, а что — частью действий в мире. Этот рост интереса к исследованиям в духе цифровой антропологии, (авто)этнографии, конечно, отраден, но ставит вопрос о том, а что же тогда называется академическим исследованием? Чем оно отличается от других?

Ответы нужны не только ученым. Глядя на новости или фотোগрафии, люди пытаются понять, *что* именно зафиксировано. Так называемые войны памяти и пересмотры канонов задают дополнительную сложность. Высказывание любой давности в цифровой среде может стать актуальным, причем в какой именно ситуации это произойдет, неведомо ни тем, кто написал пять лет назад пост политического содержания, ни тем, кто резко на него отреагировал. Чем окажется спор, некогда зафиксированный, но до сих пор способный ввести конфликт в современность, — никто не знает.

Концептуальное решение проблемы различения действия и структуры, артефакта и жизни — производится на уровне работы с масштабными понятиями, вроде техники, медиа, интерфейсов. Общая тенденция, которую решают такие подходы, — когда на место структур приходят инфраструктуры. Вместо дисциплинарных подходов появляются междисциплинарные, вместо методов — инструменты, которые могут перемещаться между разными масштабами исследований. Это изменение создает возможности для самостоятельной (на уровне пользователей и/или исследователей) фиксации, минимального определения: это жизнь или память о ней?

Сами интерфейсы цифровых приложений (точнее их разработчики) потворствуют смешению подходов. В погоне за пользовательским вниманием они стараются не разрывать момент вовлечения и влечения к вовлечению⁸. Поэтому позиция исследователя памяти должна быть критичной, а не наивной. Как исследователям, нам нужно разделять артефакты, события и их интерпретации. Это разделение может не совпадать с компьютерными метафорами и интерфейсными решениями.

История дизайна и междисциплинарные исследования, чувствительные к философским понятиям, дают возможности совместного действия разработчиков и исследователей социально-гуманитарной сферы. Мы можем критически изучать и продумывать интерфейсы, чуткие к агентности человека и добродетелям общественных и гуманитарных наук (или, наоборот, подчеркивающие нечуткость и сложность). Интерфейсы могут быть нарочито сложными, чтобы демонстрировать разницу между тем, что зафиксировано, выложено в общий доступ и увидено разными группами людей. В таком случае важно сотрудничество представителей классических дисциплин с дизайнерами и разработчиками. Как отмечает Алексей Павловский, приоритетность исследовательских подходов — непростая задача, и возможно, она не решится только изнутри академических миров.

8 Что как раз может быть объектом критики, например в исследованиях цифрового невовлечения. См., например: Kuntsman A., Miyake E. The paradox and continuum of digital disengagement: denaturalising digital sociality and technological connectivity // Media, Culture & Society. 2019. № 41 (6). P. 901–913.

Возможность развития чуткости я вижу в проблематизации и обсуждении теорий, признании метафорических оснований, скрытых во многих понятиях. Эта проблематизация позволит исследователям обнаружить и проявить ответственность, как в академическом мире, так и вне его. Критика понятий и методов не менее важна, чем применение новых теорий и подходов. Это позволяет оценить политические последствия превращения общения в коммуникацию, а знания — в элементы информации и способы слежки.

Такая ответственность может быть основанием для местного или раздельного научного быта только после того, как она присвоена в качестве элемента собственной истории. История есть у дисциплин и наук, ее почти нет у объектно-ориентированных подходов вроде цифровых исследований памяти. Для того, чтобы присвоить и признать тему цифровой памяти своей, наукам необходимо обнаруживать противоречия и несовпадения. Пока наукам не хватает вспыльчивости по поводу друг друга — реакции и конфликтов, которые могут происходить вокруг интерпретации одних и тех же объектов, которые мы, порой опрометчиво, называем *цифровой памятью*.

МОРОЗ О. В.,

кандидат культурологии (БВШД, ТюмГУ)

В любой области знания мне кажутся максимально интересными серые зоны. Это такие пространства проблематизации феноменов, которые не вступают в противоречие с мейнстримом исследовательского поля, не оказываются нарушителями канона. Однако они существуют на периферии, самым своим существованием предлагая альтернативы, неявно намекая на возможность эпистемологического поворота.

В поле исследований цифровой памяти⁹ в такой серой зоне, на мой взгляд, обитает понятие *медиатизированной проспективной коллективной памяти*, то есть коллективной памяти на намерения, запланированные на будущие действия (с ним работает Керен

9 В англоязычной академической среде за этим комплексным полем закрепилось название digital memory studies. — О. М.

Тененбойм-Вайнблатт)¹⁰. Объяснить этот феномен можно так. Сталкиваясь с каким-то явлением, чаще болезненным и травматичным, индивиды и институции с использованием медиа формируют определенные обещания о необходимых к совершению поступках, которые нужны для неповторения этих страшных событий. Например: мы обязуемся в медиа больше контролировать язык вражды, чтобы избежать в любых средах ксенофобии и конкретных проявлений ненависти. Это своего рода заклинание: если мы пообещаем, что «примем меры», то каких-то несчастий удастся избежать. Особенно если мы исполним обещание.

Концепт медиатизированной проспективной памяти, во-первых, противоречит оптике Эндрю Хоскинса, предлагающего рассуждать об отказе от «коллективности» памяти в эпоху после «коннективного поворота»¹¹. В условиях технологической реальности сети взаимодействий создаются без привязки к реально сосуществующим сообществам (а скорее в связи с виртуальностью и большей флюидностью когорт), за пределами пространственных характеристик традиционных архивов. Следовательно, прежние рамки коллективной памяти (единство языка, понимания пространства и времени как определенным образом заряженных конструкций, даже социально санкционированных базовых воспоминаний) заменяются более гибкими феноменами — например, сиюминутным единством «расшариваемых», вирусным характером публикуемых образов. Значит, прежнее, определяемое четкими коллективными идентичностями «мы» перестает существовать. Или по крайней мере вступает в конкуренцию с окказиональными, но часто более заметными «мы» — например, любителями смотреть уморительные видео с котиками. Тогда возникает вопрос: а кто этот коллективный субъект, который сейчас обещает совершать с помощью медийных инструментов какие-то спасительные для будущего поступки? И если это любители смешных видео с котами, можно ли им доверять какие-то важные решения?

-
- 10 Tenenboim-Weinblatt K. Bridging collective memories and public agendas: Toward a theory of mediated prospective memory // *Communication Theory*. 2013. Vol. 23. № 2. P. 91–111.
- 11 Hoskins A., Halstead H. The new grey of memory: Andrew Hoskins in conversation with Huw Halstead // *Memory Studies*. 2021. Vol. 14. № 3. P. 675–685.

Во-вторых, понятие «проспективной памяти» заставляет задуматься о валидности довольно старого, по мнению Алейды Ассман, целеполагания исследований коллективной ретроспективной памяти и травмы¹² — «помнить, чтобы никогда не забывать»¹³. Ассман, как и многие другие исследователи, в таком ключе рассуждает о Холокосте. Надо помнить о составивших это событие преступлениях, чтобы не забыть, что они случаются, что собой представляют. Однако для практик проспективной коллективной памяти этого намерения мало. Если катастрофы происходят, нужно не просто пассивно их припоминать, а активно, с помощью, например, культурных инструментов, предотвращать.

Наконец, понятие проспективной памяти провоцирует дискуссии о принципиальной возможности коллективного прогнозирования будущего, последствиях такой практики. Если не вполне понятно, кто такие эти спасительные «мы», обещающие не менее спасительные поступки для построения лучшего будущего, то чей образ будущего «они» транслируют? А на фоне споров технооптимистов и технопессимистов картинка становится совсем запутанной. Даже эксперты в области технологий — казалось бы, весьма устойчивого феномена — не могут договориться об эффектах развития, скажем, ИИ¹⁴. В таком случае обещание не просто понимания будущего, но и еще готовности его активно формировать в опоре на непонятно кому принадлежащее представление о лучшем завтрашнем дне (с ИИ он должен быть или без него?), оказывается не только спекулятивным, но и манипулятивным.

Тем не менее понятие медиатизированной проспективной коллективной памяти, стоящее на намерении *не бездействовать*, обладает интересными потенциалами. Слишком часто более безопасное обещание *не забывать* выглядит исключительно обещанным к узкому кругу *своих*, нежели распространяется как

12 В англоязычной академической среде за этими пространствами закрепились названия *memory studies* и *trauma studies* соответственно. — О. М.

13 Ассман А. Четыре модели обращения с травматическим прошлым // (препринт, «Гептер») // Новое литературное обозрение. URL: https://www.nlobooks.ru/books/biblioteka_zhurnala_neprikosnovennyi_zapas/27227/review/8540/ (дата обращения: 30.09.2023).

14 См., например, открытое письмо с призывом приостановить разработку ИИ, которое подписали Илон Маск, Стив Возняк и другие эксперты: *Pause Giant AI Experiments: An Open Letter* // Future of Life Institute. 22 марта 2023. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (дата обращения: 06.12.2024).

открытое предложение определенной нормы и стоящего за ним доверия. Индивиды и сообщества заботятся о свидетельствовании, коммеморации ради интересов своей социальной группы, но не *Других*. Особенно это заметно в контексте медиатизации памяти: в силу, в том числе, устройства цифровых сред оказывается гораздо проще искать не общий опыт (и даже не общее в травматических воспоминаниях), но поводы для остракизма и агрессии — например, во время словесных перепалок в комментариях к видео на историческую тему или «войнах правок» в Википедии. Между тем именно возможность доверия к людям за пределами своих групп, возможность слышать и слушать свидетельства, которые расходятся с привычным представлением о случившемся, позволяет «помнить, чтобы никогда не забывать» не ради сведения счетов или воспроизводства черно-белой палитры жизненного мира. Да, чувствительные разговоры о памяти со «своими» вести удобнее, они позволяют цементировать привычные представления. Но дискуссии с Другими дают шанс познакомиться с множественными точками зрения. И, в частности, могут стать основой для формирования такой медиатизированной проспективной памяти, которая предполагает строительство будущего без неточностей его прошлого припоминания. Скажем, обращение к опыту дискриминации с позиций наследников не только авторов насилия, но и пострадавших может быть весьма многообещающим, хотя и не безболезненным.

При этом обсуждения цифровой памяти часто проводятся без серьезного рассмотрения концепта «медиатизированной проспективной коллективной памяти». Я считаю это упущением. По крайней мере, его представленная выше пульсирующая сложность заставляет задуматься, а насколько функциональна более знакомая логика коммеморации «помнить, чтобы никогда не забывать».

Стоит задаваться вопросом, как и кем именно, ради каких целей используется эта классическая интенция. Еще Джеффри Александер писал, что коллективные акторы движимы идеальными или материальными интересами при создании репрезентаций каких-то событий. От совокупности их социальных статусов и интересов зависит, как они будут рассуждать об одном и том же событии, как они его будут припоминать и к каким действиям

перспективно подталкивать. Например, можно рассуждать, что рабство — это травма для афроамериканцев. А можно, как делают некие ревизионисты, — что это был «всего лишь весьма прибыльный способ экономического производства», скорее всего, не такой травмирующий¹⁵.

И также стоит фиксировать, что практическое применение нормы «помнить, чтобы никогда не забывать» сказывается на конструировании будущего, т. е. стратегиях уже перспективного припоминания. Помнить предлагается ради примирения, либо ради оправдания следующих витков насилия? Ради формирования более сложной картины мира или, наоборот, подтверждения собственных предвзятостей? Вообще, это «помнить» — про многообразие свидетельств, либо про предпочтение ностальгических, а то и ложных воспоминаний? Мы рассказываем о «девяностых», в том числе с помощью художественных нарративов в медиа, чтобы снова расчертить мир на «своих» и «чужих» или для принятия этого сложного периода? Мы ведем онлайн-дискуссии вокруг фильмов и сериалов про «пацанов», чтобы назначить в своей среде ответственных за «лихие девяностые» (или их нерелевантную нормализацию) или ради признания, что все пережившие их несут ответственность за осмысление?

Еще одним интересным набором подходов, также находящихся в серой зоне, оказываются опыты социогуманитарных исследований ПО¹⁶ — анализа, в том числе, культурных и социальных эффектов программного обеспечения. В ситуациях изучения цифровой памяти часто внимание ученых касается припоминания в конкретных медиумах, средах. И действительно, увлекательно читать анализ кейсов о том, как работает память в цифровых архивах, социальных медиа, как появляется феномен *мемобилия* — конкретных воспоминаний, упакованных

15 См. подробнее: Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М., 2013. С. 255–310.

16 В англоязычной академической среде за этим полем закрепилось название *software studies*. — О. М. Одна из первых книг, проблематизирующих поле: *Software Studies: A Lexicon* / ed. by M. Fuller. Cambridge, 2008. В целом же в MIT Press есть целая серия книг, публикуемых как высказывания из области *software studies*, см.: URL: <https://mitpress.mit.edu/series/software-studies/> (дата обращения: 10.12.2024).

в контент, который создается с помощью переносимых устройств и цифровых гаджетов. Речь идет, например, о фотографиях, видео, наших перемещениях, фиксируемых специально или без нашего контроля смартфонами, или данных о нашем состоянии здоровья, которые собирают и обобщают фитнес-браслеты¹⁷. Однако часто эти исследования со временем сохраняют лишь историографическую ценность. Конкретные сервисы устаревают, особенности взаимодействия с ними теряют актуальность. Или, напротив, вопросы, поднимаемые существованием тех или иных цифровых площадок, разрешаются на индустриальном уровне. Например, еще 10–15 лет назад велись споры о том, как этично припоминать умерших в цифровой среде, как обеспечить качество коммеморации в чувствительной ситуации онлайн-прощания с близкими¹⁸. А сегодня существуют десятки вполне привычных сервисов, понятные решения в социальных медиа, которые свидетельствуют: по крайней мере до некоторой степени для заинтересованных пользователей цифровые площадки предлагают паттерны коллективного и индивидуального аккуратного онлайн-обращения с памятью об умерших¹⁹. Можно посещать цифровые кладбища, создавать памятники на основе аккаунтов социальных медиа, устраивать онлайн-поминки и спонтанные пространства для мемориализации даже на игровых площадках.

В то же время социокультурный анализ вычислительных технологий как пространства трансформации в цифровых средах памяти дает шанс не только более сознательно и рефлексивно смотреть на бурное развитие информационных сред. Он буквально требует междисциплинарности или хотя бы объединения усилий инженеров, специалистов в области компьютерных дисциплин и экспертов в социальных и гуманитарных науках, изучающих соответствующий человеческий опыт взаимодействия с техникой. Я уверена, что исследования цифровой памяти

17 В оригинале термин звучит как «memobilia» и принадлежит Анне Ридинг, см. подробнее: *Reading A. Memobilia: The mobile phone and the emergence of wearable memories // Save as... Digital Memories. London, 2009. P. 81–95.*

18 См. подробнее: *Massimi M., Charise A. Dying, death, and mortality: towards thanatosensitivity in HCI // CHI'09 Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems. 2009. P. 2459–2468).*

19 См. подробнее: *Мороз О. Смертельная чувствительность // Археология русской смерти. № 1, том 6, 2018. С. 6–30.*

не могут существовать при сохранении жестких дисциплинарных различий, в обстановке огораживания методологий и оптик. Ситуация диалога разных социальных и гуманитарных наук недостаточна — она лишь позволяет разметить разницу подходов. За этим процессом скрывается, увы, обычный жест поиска тех, кто более методологически оснащен для изучения памяти. Если это индивидуальные припоминания, кто лучше справляется — специалисты в когнитивных науках или антропологи? А если речь идет о коллективности, за кем остается последнее слово — историками, социологами или филологами с культурологами? Да, сейчас все чаще появляются сборники, в которых настраивается диалог между представителями этих специальностей²⁰. Однако и в них нечасто встретишь подход, предполагающий не экзотизацию, остракизм или сентиментальную толерантность, а честное принятие Другого — как часто ранее неслышимого и незамечаемого, но все-таки субъекта, вносящего вклад в понимание прошлого как общей ответственности. Не уверена, что дополнение поля исследований цифровой памяти «инженерной» оптикой решит эту проблему. Однако добавление еще нескольких фокусов внимания, в том числе техноцентричного, позволит усилить концептуальные поиски практическими разработками. В поле разговора о цифровой памяти есть примеры, доказывающие, что такие коллаборации возможны. Так было, например, в случае уже упоминавшегося подключения инженеров к решению вопроса об обеспечении качества онлайн-скорби и горевания при припоминании покойных.

Со своей стороны, как исследовательница, не представляющая инженерные науки в поле изучения цифровой памяти, я могу только гарантировать готовность к принятию других исследовательских точек зрения на феномен памяти в цифровой среде. И продолжать стоять на принципиальной позиции — быть внимательной к голосам Других, чьи свидетельства о событиях прошлого не считаются как конвенциональные. Например,

20 См., например, уже упомянутую монографию *Garde-Hansen, J., Hoskins, A. & Reading, A. (eds.) Save as... Digital Memories*. London, 2009; а также: *Hajek A., Lohmeier C., Pentzold C. (eds.) Memory in a Mediated World: Remembrance and Reconstruction*. London, 2016.

быть внимательной к онлайн-свидетельствам об опыте насилия в то время, как многих они триггерят своей публичностью, преодолевающей табу стыда, или иногда неverifiedируемостью.

АРТАМОНОВ Д. С.,

доктор философских наук (СГУ им. Н. Г. Чернышевского)

Термин *цифровая память*, на мой взгляд, не совсем удачный. Он оставляет пространство для различного толкования феномена цифровизации коллективной памяти, которую не следует, конечно же, ставить под сомнение. Во-первых, когда мы говорим о цифровой памяти, можно иметь в виду просто хранение информации на различных носителях в оцифрованном виде (сервера, жесткие диски, флэшки и т. д.). Таким образом, коллективно разделяемые представления о прошлом, составляющие живую ткань массового сознания и память индивидов, выпадают из поля определения цифровой памяти. Между тем коллективная память в цифровую эпоху конструируется в результате теснейшего взаимодействия, направленного на воспроизводство представлений о прошлом, трех акторов: индивидов — лидеров мнений и ученых, масс интернет-пользователей, объединенных краудсорсинговыми технологиями, и цифровых инструментов создания, хранения и распространения исторических образов. Преувеличивать в конструировании коллективной памяти значение цифровых технологий не стоит, но и преуменьшать его тоже не следует.

Во-вторых, понимание цифровой памяти в том виде, в котором оно заложено исследователями Э. Хоскинсом, Дж. Гарде-Хансен, А. Ридинг, не учитывает цифровую трансформацию культурной памяти, а сосредотачивается на осмыслении процессов цифровизации коммуникативной памяти, т. е. представлений о прошлом, которые складываются в эпоху цифры и охватывают одно-два поколения. Культурная память также становится цифровой, так как очевиден феномен цифровизации культуры, более того, стираются грани между ней и коммуникативной памятью как памятью письменной и устной, традиционное разделение, четко прослеживаемое в работах классиков — теоретиков культурной памяти Я. Ассманом и Ю. М. Лотманом. В цифровой

среде интернет-пользователи не только пишут, но и говорят как о насущном, так и о далеком прошлом.

В этой связи мне представляются недооцененными работы М. Нейгер, О. Мейерс и Э. Зандберг²¹, Ж. ван Дейк²², А. Эрл²³ и др., которые направлены на исследование роли медиа в конструировании представлений о прошлом в цифровую эпоху. Предлагаемый мной термин *медиапамять* (media memory) для описания феномена коллективных представлений о прошлом в цифровую эпоху способен снять большинство противоречий, связанных с пониманием процессов цифровизации коллективной памяти. Он учитывает коммуникационную природу формирования образов прошлого, цифровой характер носителей информации, подчеркивает влияние медиа и цифровых технологий на массовое сознание и не исключает участия индивидов и масс в конструировании коллективной памяти²⁴.

Медиапамять представляет собой коммуникационный феномен цифровой среды, вобравший в себя формы памяти, характерные для доцифрового мира: коммуникативную память, культурную память, социальную память и историческую память. Конвергенция этих форм и их трансформация в медиапамять были предопределены коммуникативностью, основным их общим свойством, с того времени как все коммуникационные процессы были опосредованы медиа. Они стали играть роль не только инструмента формирования общественного мнения, а превратились в хранилища информации и образов прошлого.

На мой взгляд, наиболее перспективным источником исследования коллективной памяти в цифровую эпоху представляются интернет-мемы. По следующим причинам: 1) это полностью цифровой продукт, создаваемый интернет-пользо-

21 On media memory: collective memory in a new media age / ed. by M. Neiger, O. Meyers, E. Zandberg. New York, 2011; Neiger M. Theorizing Media Memory: Six Elements Defining the Role of the Media in Shaping Collective Memory in the Digital Age // Sociology Compass. 2020. Vol. 14. Iss. 5.

22 Dijk van J. Mediated Memories in the Digital Age. Stanford, 2007.

23 Erl A. Literature, Film, and the Mediality of Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / ed. by A. Erl, A. Niinining. Berlin; New York. 2008.

24 Артамонов Д. С. Медиапамять: теоретический аспект // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Vol. 4. № 2. С. 65–83.

телями, в котором они отражают свое представление о событиях, в том числе и исторических; 2) интернет-мемы имеют массовое распространение, что позволяет делать исследователям вполне обоснованные выводы, говоря о таком сложном феномене, как массовое сознание и коллективная память; 3) интернет-мемы позволяют визуализировать массам интернет-пользователей свое представление о прошлом и эмоциональное к нему отношение. Равноценными источниками, полагаю, являются цифровые продукты массового происхождения: инди-игры, фанфики, посты в социальных медиа, фотографии, видео и комментарии к ним. Сложности в работе с этими источниками снимаются использованием программного обеспечения, без которого нельзя получить релевантные данные.

Работая в парадигме цифровой гуманитаристики, получается делать, на мой взгляд, вполне обоснованные выводы применительно к изучению сложносоставных информационных продуктов, отражающих коллективно разделяемые представления о прошлом. Memory studies складывается как междисциплинарное направление, и результат в этой области можно получить, используя подходы и исследовательские инструменты различных наук. Мне кажется, что сочетание принципов историзма, применение методов социологических исследований и использование цифровых технологий в широкой оптике социально-философского осмысления может привести к достоверному пониманию природы медиатизации и цифровизации коллективной памяти.

На сегодняшний день я не вижу препятствий для проведения исследований в области digital memory studies в России. Наоборот, они должны еще более интенсифицироваться, что, по большому счету, сейчас и происходит. Ужесточение информационной политики в интернете является прямым следствием дигитализации всех сторон жизни общества и, прежде всего, коммуникационных процессов. Это естественная практика и она обусловлена все большей интеграцией государства и его институтов в цифровую среду. Следствием этого является активизация акторов официальной политики памяти в сети Интернет, порождающая ответную реакцию масс, а она-то и должна стать объектом интереса исследователей коллективной памяти.

АНИКИН Д. А.,

кандидат философских наук (МГУ)

Цифровая культура — это культура визуальная, поэтому наиболее далекими перспективами, на мой взгляд, обладают исследования в сфере визуальной антропологии, направленные на контент-анализ не вербального, а визуального содержимого социальных медиа. Я являюсь социальным исследователем, поэтому для меня историческая память выступает прежде всего в качестве маркера определенных общественных процессов, связанных с трансформацией коллективной идентичности. И именно в этом качестве цифровые феномены, на мой взгляд, могут включаться как объект изучения в корпус коммеморативных практик. К сожалению, в настоящий момент значительная часть исследований визуального контента, например мемов, сводится лишь к выявлению механизма переноса значений, что, безусловно, очень важно с точки зрения медиаисследований, но мало что дает для анализа именно исторической памяти. Иначе говоря, от выявления мема, излагающего определенную политическую позицию по поводу того или иного исторического события, мы получаем крайне мало информации о репрезентативности данной точки зрения для какого-либо сообщества. Поэтому необходимы как инструменты анализа визуального контента, так и те теоретические подходы, которые позволяют соотнести полученные результаты с закономерностями трансформации социальной структуры и колебаниями коллективной идентичности.

В ходе конференции, посвященной памяти в Сети, которую проводил Европейский университет в 2021 г., на мой взгляд, была выявлена ключевая методологическая проблема «цифрового поворота» — вопрос о соотношении цифрового пространства и пространства социального (при всей условности такого различения). По сути, в прозвучавших докладах имплицитно были заявлены две позиции: либо цифровое пространство является лишь еще одним измерением социального пространства, в котором действуют те же самые мнемонические акторы, просто получившие новую площадку для внедрения своих идей; либо цифровое пространство представляет собой особую реальность, действующую по своим законам и, соответственно, содержит принципиально иной набор мнемонических акторов и стратегий

их продвижения. Несмотря на кажущуюся теоретичность, этот вопрос является крайне важным для прикладных исследований исторической памяти, потому что по-разному предполагает способы анализа групп в социальных сетях. Является ли эта группа лишь «зеркалом» вполне реально существующего сообщества, в рамках деятельности которого и стоит рассматривать цифровую проекцию? Либо она являет собой отдельного актора, включающего в себя представителей самых различных социальных групп и объединенных исключительно в масштабах цифрового пространства? От ответа на данный вопрос зависят во многом те выводы, к которым сможет прийти исследователь.

Для меня решение этого вопроса связано с его переносом из сферы гносеологической в онтологическую. Проще говоря, мы изначально имеем дело с различными сообществами, поэтому никакой единой методики исследования не существует, необходимо каждый раз скрупулезно разбираться, с какой именно по своей природе виртуальной группой мы имеем дело в рамках исследования.

Что касается конкретного предмета исследования, то для меня наибольший интерес представляет именно выявление за визуальным контентом конкретных сообществ, для которых данный контент является способом репрезентации их коллективных представлений о прошлом. В этом качестве интересны мемы (что не означает больших методологических трудностей в их исследовании), а также технология дипфейков с точки зрения ее использования в области политического влияния и конструировании прошлого.

Дело в том, что сами memory studies представляют собой достаточно междисциплинарное пространство исследований, поэтому приставка digital только добавляет новых представителей различных гуманитарных наук, которые начинают активно включаться в процесс исследования. Самое интересное, что пока основные публикации в этой сфере связаны с учеными из двух отраслей знания — историками (что вполне закономерно, учитывая, что изучение памяти предполагает возможность сравнения различных репрезентаций прошлого) и философами. Причем появление философов, особенно специалистов по философии науки, закономерно в том смысле, что пока это поле исследо-

ваний представляет собой terra incognita для более прикладных специалистов. Для начала необходимо поставить более общие вопросы, касающиеся границ исследовательского поля, условий и методов познания, иначе исследование сведется исключительно к описанию какого-либо конкретного кейса в цифровой среде без возможности его анализа. Эта ситуация закономерна, но временна. Как только ключевые вопросы о целях и методах исследования будут разрешены, это поле будет активно заполняться социологами, политологами, «медийщиками» и другими специалистами, которые обретут инструментарий для получения результатов каждый в своей области.

Чем больше внимания в общественной и политической сфере уделяется исторической памяти, тем более непростой становится задача исследователя — как с точки зрения выбора предметов исследования, так и с точки зрения теоретических обобщений и прогнозов. Эта же закономерность может быть выявлена и в исследованиях цифровой памяти, где для различных сообществ проблема манифестации собственного отношения к прошлому отягощается еще наличием «цифрового следа». Самый очевидный сценарий, на мой взгляд, заключается в формировании и развитии таких направлений исследования, как методологическое и локальное. Методологическое направление будет уходить от анализа содержания образов прошлого в сторону обсуждения механизмов и новых цифровых способов их репрезентации. Локальное направление будет стремиться к изучению цифровых репрезентаций локальных сообществ — родовых, краеведческих, профессиональных. С точки зрения расширения пространства исследований — будет получен новый материал, хотя, разумеется, какие-то темы исследований останутся за пределами интересов профессионального сообщества.

НИКОЛАИ Ф. В.,

доктор философских наук (НГУ им. Н. И. Лобачевского)

Присоединяюсь к репликам коллег об относительности дисциплинарных различий исследований цифровой памяти и классических memory studies, публичной истории и дискуссий о культурном наследии. В их основе лежит общая проблема: зависимость коллективных представлений о прошлом (которые

академическая историография рассматривает в соответствии со своим теоретическим аппаратом) от популярной культуры и общей динамики социальных отношений. Все эти направления исследований объединяют несколько факторов. Во-первых, антропологический подход: для них важны языки самоописания и стратегии саморепрезентации онлайн- и офлайн-сообществ. Во-вторых, общим трендом в их рамках выступает вытеснение культурного канона коммуникативной памятью. Исследования цифровой памяти сильнее других направлений сталкиваются с этой проблемой. Кроме того, во всех этих относительно молодых направлениях исследований внимание к практикам коммеморации преобладает над теоретической проблематизацией своих методов и терминологии. Поэтому более продуктивным представляется разговор не о дисциплинарных отличиях digital memory studies, но об общих теоретических основаниях этого общего поля исследований.

Прогнозировать какие-то сценарии развития digital memory studies довольно трудно. Возможно, этот вопрос лучше перевести в обсуждение ближайших перспектив и наиболее актуальных сюжетов для коллективных проектов. На мой взгляд, крайне важным импульсом исследований памяти является их этическая составляющая, которая, впрочем, очень часто в последнее время переходит в морализацию и декларирование социальной нормативности. Важно подчеркнуть, что инициаторами этой нормативности являются не просто государства или консервативные экспертные сообщества, — она укоренена в самой структуре культурной памяти, наделяющей особым статусом своих хранителей. Такого рода элитизм и морализаторство, отчасти присутствующие и в крайне важных проектах сохранения памяти о Второй мировой войне, репрессиях и других актуальных для российского и европейского обществ событиях XX в., существенно не совпадают с праздничным характером популярной культуры, ориентированной прежде всего на развлечение и получение удовольствия, отказывающейся от элитизма и особого статуса хранителей памяти. Поэтому одним из актуальных направлений исследований представляется поиск сообществ и кейсов, минимально склонных к морализации и активно пересматривающих политику элитизма экспертных сообществ. Кроме исследований

мемов ярким примером такой стратегии может выступать медиализм (и известное виртуальное сообщество «Страдающее Средневековье», пользующееся огромной популярностью в социальных медиа). Анализ причин этой популярности прямо указывает на переплетение проблем фан-культуры, социологии эмоций и трансформации публичной сферы как рациональной полемики об общем благе (в ее интерпретации Ю. Хабермасом). Другим перспективным направлением исследований может выступать анализ ностальгии — не просто на уровне отдельных кейсов в кинематографе, музеях «Назад в СССР» или одноименных интернет-сообществах, — но как гетерогенного комплекса социальных установок, не укладывающихся в рамки, предложенные С. Бойм, Ф. Джеймисоном, З. Бауманом и другими исследователями культуры второй половины XX в.

Важно подчеркнуть, что интерес к фан-сообществам и культуре удовольствия в популярной культуре не противостоит анализу публичной сферы. Анализ их изменений должен идти с двух сторон. Публичная история, критические исследования наследия и digital memory studies могут и должны рассматривать не только фан-сообщества, но и стратегии их мобилизации в социально-политическом поле. Например, крайне актуальным представляется вопрос о том, насколько видеоигры (как в России, так и в других странах) способствуют геймификации представлений о войне и ее премедиаии — включению боевых действий и насилия в персональные жизненные сценарии. В России таких антропологических исследований среди поклонников «Counter-Strike», «World of Tanks» и других игр, насколько мне известно, пока нет, а значительная часть дискуссий об образе врага исходит из крайне редуктивистской трактовки политики памяти как прямого госзаказа или обслуживания политической повестки. В западных исследованиях проблема геймификации представлений о войне поднимается, но чаще всего при этом акцент смещается с широкого сообщества пользователей на разработчиков и тестеров игр (т. е. экспертов) или ограничивается автоэтнографией.

Хочется надеяться также, что в ближайшие годы появятся не просто коллективные монографии по digital memory studies и сборники статей (которые тоже нужны, поскольку дают возможность апробировать текущие проекты), но и пособия,

похожие на известное издание Ю. Сафроновой «Историческая память: введение». В идеале такие пособия должны включать как анализ историографических концепций, так и самостоятельную часть, посвященную проблематизации поп-культурных практик (сериалов, видеоигр, интернет-сообществ), — условно дигитальных, поскольку границы между «старыми» и «новыми» медиа оказываются сегодня крайне размыты. Важно, чтобы такие пособия были рассчитаны не только на студентов-историков, но и на всех интересующихся прошлым и включали задания разного уровня сложности. В этом случае поиск баланса между критическим подходом в публичной сфере и культивацией удовольствий, получаемых от тех или иных поп-культурных практик, будет не навязываться авторитетными экспертами, но генерироваться самими пользователями, которые пока с большой неохотой артикулируют свои эстетические, этические и политические представления. Такая активность позволит проблематизировать господствующую в России политику памяти, слишком сильно ориентированную на государство или сообщества экспертов и нивелирующую низовые практики коммеморации, связанные сегодня прежде всего с популярной культурой. Идеализировать последнюю ни в коем случае не стоит, но важно понимать механизмы ее функционирования, благодаря которым она меняет «воображаемые сообщества» и практики коммеморации.

УТЕХИН И. В.,

кандидат исторических наук (ЕУСПб)

Мои несколько соображений на полях этой дискуссии касаются не собственно DMS, а цифровых медиа как технологического и культурного контекста этой области приложения усилий и интереса социальных исследователей.

Представьте себе, что вы написали свои воспоминания в компьютере, а часть из них когда-то опубликовали в «Живом Журнале». Яндексовский поиск по ЖЖ в свое время был специально отключен, чтобы не выводить лишнего, неполиткорректного по новым временам, и после вашей смерти эти воспоминания, если ЖЖ будет еще жив (в чем имеются большие сомнения), можно будет найти только отматывая публикации

в вашем профиле за много лет. Остальную, неопубликованную часть, если вы их не распечатали на бумаге, не найдет никто и никогда, потому что даже если вы, умирая, и оставите пароль к вашему компьютеру верным друзьям и родственникам, то ни у кого из них не хватит времени разобраться в том ворохе файлов, в котором только вы могли разобраться. На дискетах их уже давно не прочесть, а с CD-ROM-ов и DVD все уже стерлось естественным путем. Чтобы рыться в файлах на ваших многочисленных внешних винчестерах и флэшках, нужны мотивированные энтузиасты. Поэтому для архивирования того, что появлялось когда-то в интернете и на цифровых носителях, нужны специальные усилия и денежные средства на оплату серверов; парадоксальным образом цифровое на проверку оказалось более уязвимым для воздействия времени, чем бумага.

Социальные медиа позволяют исследователю получать массовые данные в виде созданных пользователями материалов, в том числе и выражающих их идентичности, их представления о прошлом и их практики обращения с крупными репрезентаций прошлого, а пользователям — взаимодействовать с медийными источниками и друг с другом в рамках новых — социально-сетевых — практик. Это все открывает перед исследователем небывалые возможности. Но потенциальному энтузиасту цифровой гуманитаристики не следует питать иллюзий: если некий массив информации сегодня доступен и не был немедленно заархивирован, велика вероятность, что завтра в таком виде к этому массиву в его полном составе получить доступ не удастся. Передо мной конкретный случай из практики: мы собрали в 2021 г. 1,085 млн публикаций в «Инстаграме»²⁵, посвященных «Бессмертному полку», в виде базы, куда помещались ссылки на посты и текстовая метаинформация, а не сами изображения и видео. Значительная часть этой информации сегодня по тем или иным причинам недоступна, а ее сбор в том виде, в котором мы ее получили, сегодня был бы невозможен.

25 Проект Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в РФ.

«Инстаграм»²⁶ вообще значительно изменился с тех пор, радикально модифицировав алгоритмы выдачи для пользователей: поиск по хэштегу выдает всего несколько «топ» публикаций, которые загадочная логика алгоритма сочла наиболее релевантными для данного пользователя. В этом топе значительная часть — рекламные публикации, не содержащие этого тэга. Обычный пользователь сегодня не имеет возможности увидеть все те «старые» публикации; точнее, если он знает профили авторов, то пройдя в профиль, он получит доступ ко всей истории публикаций, но откуда же он узнает, кто когда-то пользовался этим хэштегом? Правительства здесь, как кажется, ни при чем: у компании «Мета»²⁷ не только свои правила, но и огромная власть в области предоставления доступа к контенту, как и у поисковых систем. Селективное предоставление доступа, под флагом ли защиты потребителя, заботы о персонализации предоставляемой ему услуги или же борьбы с чуждыми идеологиями, является разновидностью цензуры. Предыдущее столь же революционное по последствиям изменение политики, инициированное, скорее всего, некоторыми правительствами, относится к 2015 г., когда «Инстаграм»²⁸ перестал по умолчанию обозначать локализацию публикуемого изображения.

Соответственно, проведя когда-то некие аналитические процедуры и получив результаты, мы не можем сегодня сформулировать эти процедуры как некий реплицируемый метод, потому что в том виде эти процедуры уже не воспроизводимы: поменялись социальные медиа и изменился мир.

Пример с «Инстаграмом»²⁹ относится к «большим данным», которые для социолога, антрополога и историка оказались новой сферой социальной реальности, требующей осмысления и непривычных подходов. Не только потому, что сотни тысяч постов в социальных сетях невозможно прочитать и удержать в голове одному человеку, но и потому что социолог, опирающийся на качественные методы, и антрополог, погруженный в свое этно-

26 Проект Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в РФ.

27 Деятельность компании запрещена в РФ.

28 Проект Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в РФ.

29 Проект Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в РФ.

графическое поле, создают описания реальности, укорененные в их владении контекстом. Условно говоря, если мой информант высказывает то или иное суждение о 1990-х гг., жизнь и убеждения этого информанта, а также коммуникативная ситуация, в которой это суждение прозвучало, в достаточной степени мне знакомы, чтобы я мог объяснить, зачем и почему он говорит именно это и именно этими словами в этой ситуации. В отличие от слов моего информанта, посты в социальных сетях де-контекстуализованы: в общем случае они принадлежат людям, о которых неизвестно ничего кроме их профилей в социальных сетях. Мы можем, конечно, наблюдать в Сети за жизнью определенного сообщества, например реконструкторов, но о других гранях жизни участников этого сообщества мы можем ничего не узнать, так что такая этнография ограничивает наши интерпретационные возможности. Это означает, что при обращении к современному материалу хорошо бы сочетать подходы, опирающиеся на этнографию и «малые данные», с анализом массовых пользовательских данных из социальных сетей.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ОТВЕТ СОТРУДНИКОВ ЦЕНТРА «ПРОЖИТО»

*Павловская А. Ю., Мельниченко М. А., Муждаба А. Д.,
Павловский А. Ф., Сеньюхин А. А., Шерстнёв Г. А. (ЕУСПб)*

Наш коллективный ответ на вопросы форума обусловлен двумя важными факторами. Во-первых, мы как сотрудники Центра изучения эго-документов «Прожито» ЕУСПб находимся в позиции исследователей и практиков: Центр одновременно и изучает общественную архивистику, и практикует ее. Второе немаловажное обстоятельство заключается в том, что с начала 2022 г. «Прожито» перешло в стадию активной трансформации — помимо корпуса дневников Центр создает теперь электронный архив³⁰. Сейчас, в октябре 2023 г., «Прожито» продолжает развивать оба этих направления и заниматься поиском новых форм внутренней работы и взаимодействия с публикой.

30 Цифровой архив «Прожито» был открыт для широкой публики в сентябре 2024 года: URL: <https://archive.prozhito.org/>.

Меняя проект и его основные продукты, мы меняем и собственное представление о сущности цифрового архива и цифровой общественной архивистики.

Современная гуманитарная мысль не дает единого ответа на вопрос «что такое архив?». В зависимости от использования исследовательских оптик и принадлежности к дисциплинарным полям, ученые предлагают целый спектр значений — от репозиторий и институтов памяти до набора логик архивации и соответствующих им структур. Эти теоретические вопросы формулировались в «доцифровую эпоху», когда о появлении цифровых архивов и сопутствующих практик взаимодействия с *цифровым* не было и речи. Один из ключевых вопросов, которые должны задавать себе исследователи цифровых архивов: что теории архива и попыткам его определить добавляет сама цифровая компонента? Что она меняет на уровне медиальности и архивных практик? Должны ли исследователи архивов осваивать методы изучения цифрового, или исследователи цифрового должны включать в сферу своих интересов архивную теорию?

Одна из первых попыток если не дать определение цифровому архиву, то хотя бы перечислить возможные его формы принадлежит Джоан Гарде-Хансен. В статье, посвященной демократизации архивов в цифровую эпоху, она выделяет типологию цифровых архивов: 1) институты памяти, созданные для архивации в цифровом виде (например, Архив 11 сентября), 2) инструменты сплошной архивации данных (Wikipedia, Google), 3) самоархивирующиеся блоги, 4) «творческие архивы» на персональных компьютерах и в электронной почте³¹.

Создавая типологию цифровых архивов, Гарде-Хансен упускает несколько важных моментов: в типологии отсутствуют цифровизированные изначально нецифровые архивы, а также разные формы низовых практик цифровизации (например, представление домашнего архива в публичном пространстве с использованием цифровых методов). Однако больше всего вопросов остается к самому использованию слова «архив». Нецифровое собрание документов отличает набор внутренних логик

31 Garde-Hansen J. Digital Memories: The Democratisation of Archives // Garde-Hansen J. Media and Memory. Edinburgh, 2011. P. 70–88.

и авторитетов, систем отбора и пр., при этом для некоторых форм архивации данных внутренние логики, правила селекции и архивации отсутствуют — не следует ли использовать для них другие термины, например «репозиторий цифровых данных»?

Описанное выше является не только важными исследовательскими вопросами для архивистов, но и реальной практической проблемой — это должны учитывать специалисты по digital memory studies. Исследователи цифровых архивов чаще всего изучают их с точки зрения своего пользовательского опыта, при этом сам цифровой архив остается для них и их читателей «черным ящиком». Для того чтобы преодолеть эту проблему, коллектив сотрудников Центра «Прожито» предпринимает попытки «автоэтнографического» описания своей работы — во многом из-за недостатка институциональных исследований архивов, в том числе и цифровых³².

Что первично в нашей работе: исследовательская составляющая, выраженная в интересе к эго-документам или к организации домашнего архива, или сама практика общественной архивистики? Что первично в цифровом архиве: цифровое или архивное? Обуславливает ли сама практика общественной архивистики выбор цифрового пространства? Возможна ли она сегодня без дигитальности? Как между собой соотносятся архив как теоретический концепт и как область практики? Можно ли преодолеть в цифровом архиве path dependance, связанную с использованием уже существующих электронных систем описания архивных документов? Ни на один из перечисленных выше вопросов у «Прожито» нет ответов — да и вряд ли они возможны.

В статье для сборника «Память в Сети» была предпринята попытка описать основные принципы практики общественной архивистики в том виде, в котором они существовали в период работы «Прожито» как корпуса текстов дневников и воспоми-

32 За очень редким исключением, например: Moss M. Memory Institutions, The Archive and Digital Disruption // *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* / ed. by A. Hoskins. New York and London, 2018. P. 253–279; Ramsay D. Tensions in the Interface: The Archive and The Digital // *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* / ed. by A. Hoskins. New York and London, 2018. P. 280–302.

наний³³. Сегодня мы создаем площадку для *архивации практик архивации*, которые существуют в различных собраниях документов (прежде всего в частных, домашних архивах). Создающаяся сейчас система позволит описать цифровыми методами документ «в естественной среде хранения», продемонстрировать пользователю его материальные характеристики, а также расположение в структуре собрания.

Создающийся цифровой архив будет посткустодиальным — этот принцип подразумевает разделение ответственности между архивом и владельцем документа в области его хранения и описания. Физический архив Центра изучения эго-документов «Прожито» ЕУСПб, собранный за восемь лет работы проекта, будет описан в цифровом архиве лишь как один из множества различных пользователей системы.

Отвечая на вопрос о развитии исследовательского поля digital memory studies, мы можем прогнозировать рост автоэтнографических и институциональных исследований различных публично-исторических цифровых проектов. Опыт Центра «Прожито» показывает, что такие исследования помогают цифровым проектам не только приоткрыть «черный ящик», но и самим лучше понять то, как они устроены, обозначить в своей работе проблемные точки.

Ни ужесточение политики памяти в цифровой среде, ни рост дигитализации не должны, вопреки прогнозам, уничтожить существующую дихотомию между традиционными архивами, начавшими процесс цифровизации, и изначально цифровыми архивами: принципы их организации, как было показано выше, очень разные, и задача исследователей и практиков — понять, в чем суть этих различий. Кто знает, может быть, через некоторое время окончательно оформится исследовательское поле digital archive studies.

33 Павловская А. Ю., Павловский А. Ф., Мельниченко М. А. «Цифровая общественная архивистика»: «Прожито» как цифровой архив, сообщество интерпретации и волонтерское движение // *Память в Сети: цифровой поворот в Memory Studies* / под ред. А. Ф. Павловского и А. И. Миллера. СПб., 2023. С. 256–274.

САФРОНОВА Ю. А.,

кандидат исторических наук (ЕУСПб)

Поскольку дискуссия о digital memory studies предложена в 2023 г., ее стоит начать с наиболее обсуждаемого и вызывающего тревогу цифрового феномена — ChatGPT, чат-бота с искусственным интеллектом, который, кажется, способен не только лишить рабочих мест множество людей, но и подорвать уверенность в достоверности наших знаний о прошлом. Известно, что искусственный интеллект предлагает нерадивым студентам (а также проверяющим их преподавателям) цитаты из никогда не написанных великими людьми книг и из несуществующих источников. На мой взгляд, тревога, которую мы наблюдаем на протяжении последнего года, в концентрированном виде показывает основные линии дискуссий вокруг цифровых феноменов вообще и цифровой памяти в частности.

В первую очередь, это вопрос о демократизации памяти: действительно ли в цифровую эпоху каждый человек наконец-то имеет право на архив, или возможность оставить свидетельство существования индивида по-прежнему ограничена, но теперь уже правами корпораций на программное обеспечение и банальным доступом к электричеству? Смогут ли будущие историки справиться с тем объемом данных, которые наша эпоха им оставит, или им вообще не достанется никаких источников, поскольку цифра нематериальна? Как они будут решать проблему подлинности, если фильтры, корректирующие мимические морщины на фотографиях, включены по умолчанию? Что происходит с памятью в мире, где в любой момент вы можете узнать дату битвы при Азенкуре, если у вас не сел телефон? Действительно ли невозможно насладиться отпуском, не выкладывая сторис в какой-нибудь из многочисленных социальных сетей, и что случится с моей жизнью, если однажды я удалю все свои аккаунты? Что мы знаем о работе алгоритмов, предлагающих цифровой контент, и когда именно «Скайнет» начнет восстание машин? В случае исследователей цифровой памяти, особенно тех из них, кто не является digital natives, отделить собственно исследовательские вопросы от повседневного и не всегда успешного опыта взаимодействия с цифровыми технологиями бывает сложно.

На мой взгляд, DMS являются очень тревожной областью исследований, особенности которой накладываются на склонность *memory studies* к изучению трагического и травматического прошлого, вынуждая раз за разом смотреть, как самолет взрывается во Всемирный торговый центр, при подготовке публичной лекции о культурной памяти. Оптимизм, как эвристический, так и этический, можно испытывать только в начале, когда кажется, что цифровые технологии наконец решают вечную проблему *memory studies* — проблему рецепции коммеморативных практик. Как преподаватель курса по *media memory* я не могу не радоваться, что мои студенты способны за один вечер выполнить исследование, проанализировав комментарии пользователей к видео на YouTube, чтобы утром представить его на занятии. Больше никаких сложных архивных изысканий и чтения дореволюционных газет со «слепого» микрофильма на поцарапанном экране проектора... Как читатель многочисленных статей специализированных журналов, выполненных примерно в такой же манере, я не могу отделаться от вопроса: и что дальше?

Хотя избыток дескриптивных текстов в ущерб теоретическому осмыслению является родовой болезнью исследований памяти, породившей кризис направления в конце 1990-х гг., в случае с цифровыми феноменами ситуация усугубляется скоростью происходящих изменений. В настоящее время никто не может претендовать на роль эксперта, даже сами разработчики ChatGPT. Для историков, привычно опиравшихся на теоретические достижения других дисциплин, отсутствие экспертизы может быть и невыносимым, и вдохновляющим.

Впрочем, все рассуждения о DMS подобны тревоге Сократа по поводу письменности, которая убивает память и интеллект. В связи с этим мне кажется важным разговор о процессах медиации, премедиации, ремедиации, начатый Астрид Эрлл и Энн Ригни³⁴. Предложенный ими способ осмысления процессов, связанных с переносом памяти с одного медианосителя на другой, как ремедиации помогает нормализовать цифровую память, вписав ее в многотысячелетнюю историю бытования культурной памяти в потоке технологических изменений, для иллюстрации

34 Erlil A., Rigney A. *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Berlin, 2009.

которой они прибегают к «Илиаде» Гомера и «Путешествию Пилигрима в Небесную страну» Джона Баньяна. Возможно, этот методологический ход особенно близок историкам, испытывающим нежность и к большим хронологическим отрезкам, и к поцарапанным экранам архивных проекторов. Не беря на себя ответственность за дисциплину вообще, тем более что в memory studies существование дисциплинарных рамок проблематично, я могу говорить о личном выборе: рассматривать цифровые медиа как еще один тип источника, работа с которым зависит не столько от его собственной специфики, сколько от исследовательского вопроса, который я ставлю. Правда, в этом случае вопрос о дате будущего восстания машин неизбежно придется оставить коллегам других специальностей.

Основной проблемой исследований DMS в современной России, на мой взгляд, является не ужесточение государственной политики в Интернете и увеличение количества дел о преступлениях, совершенных в Сети, в том числе связанных с мемориальными законами, что неизбежно ведет к цензуре и самоцензуре. В большей степени проблемой для исследователей российской цифровой памяти является захват Интернета как дискуссионной площадки «фабриками троллей», прогосударственными ботами и т. п. Если в первые десятилетия существования Сети она дарила исследователям наивную надежду, что тексты в ЖЖ или баталии под постами в VK дают возможность наконец-то увидеть культурную память «обычных людей», то сегодня мы снова должны задавать вопросы, где и кто пишет методички, сколько стоит один комментарий и т. п. Разумеется, это исключительно интересные и продуктивные вопросы для тех, кто исследует историческую политику, хотя едва ли ответы на них можно опубликовать в научном журнале, снабдив релевантными ссылками. Вместе с тем они снова лишают нас мечты об исследовании памяти общества, а не государства.

ПАВЛОВСКИЙ А. Ф.,
(ЕУСПБ, ИТМО)

Цифровой поворот обратил внимание на такое количество революционных посредников памяти, что поневоле хочется ска-

зять: *медиацентричность* — это родовая травма *digital memory studies*. Представление о том, что исследование культурной и коллективной памяти — это, в первую очередь, изучение того, каким образом такая «память» опосредуется и потребляется (от социальных медиа, мобильных гаджетов и цифровых архивов до алгоритмов, нейросетей и видеоигр), является настолько мэйн-стримным и самоочевидным подходом (и, если углубляться, является базовой предпосылкой *media and memory studies*, без которых исследований «цифровой памяти» не было вовсе), что хочется его скандализировать, заявив, что в «родовых травмах» нет ничего обидного, но и гордиться тут нечем.

Что я понимаю под «медиацентричностью» *digital memory studies*? Начнем с того, что обилие источников в интернете и других цифровых медиа, безусловно, сводит с ума исследователей культурной памяти, изголодавшихся по легкодоступному и массовому источнику представлений о прошлом. Будучи завистливым историком памяти, исследующим то, как люди второй половины XX в. воображали свое травматичное, ностальгическое и иное прошлое («позапрошлое», как пошутил кто-то), я вынужден терять зрение в пыльных архивах, газетных фондах и фильмотеках, добывая бесценные данные, пока исследователи памяти в Сети тратят три дня на сбор комментариев к видео и просят нейросети переписать свой текст в стиле, в каком им хочется (тут мои литания почти идентичны жалобам Ю. А. Сафроновой на студентов, не знающих, когда была битва при Азенкуре, но слишком хорошо разбирающихся в генерации эссе при помощи ChatGPT). И потому я понимаю любого, кто когда-нибудь поддавался искушению «цифровой памяти», но при этом не учитывал двух нюансов, которые заведут его в бесконечный тупик.

Во-первых, исследователи «цифровой памяти» о событиях прошлого ассоциируют свои источники и исследовательские проблемы с конкретным медиа, в рамках которого создается, хранится и циркулирует контент. Это приводит к тому, что DMS превращается во фрагментарное поле, создающее целые «субкультуры» ученых, специализирующихся на «Википедии», YouTube, цифровых архивах, социальной сети, — авторов, которые активно читают друг друга и ссылаются, но при этом редко выглядят за пределы своей области (проблема, о которой пишут другие

участники нашего форума, например С. В. Тихонова, О. В. Мороз и П. Колозариди). В худшем и самом распространенном случае эти исследования повторяют «пользовательский опыт» эксперта, который, рассматривая медиальность и наполнение цифрового проекта, забывает про его институциональную подноготную и не задается вопросом, кто и как плохо или хорошо, осознанно или хаотично управляет этим «черным ящиком» изнутри (что не без причин волнует цифровых архивистов, как можно понять по коллективному ответу сотрудников «Прожито»).

Во-вторых, искушение «рецептивной революцией» опьяняет, но в конце всегда наступает расплата. Наконец-то мы знаем, что миллион пользователей с ником «абырвалг» думает по поводу 11 сентября и сталинских репрессий. Наконец-то мы знаем, какие дискурсы памяти циркулируют в этом децентрализованном «множестве» нарциссических субъектов, которые забудут про видеоролик о Колыме и геноциде в Руанде в следующую же секунду, когда переключатся на новый. Сделало ли это нас умнее и счастливее? Сильно сомневаюсь. Подобно тому, как государю незачем знать, что «в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский», исследователю «цифровой памяти» совсем не обязательно изучать, что о прошлом думает агрегированное множество полуанонимных индивидов с размытой идентичностью, никак не связанных друг с другом и не имеющих никакой ответственности. Как бы по-элитистски это ни звучало, такая «память» ничего не говорит нам ни о коллективе, ни о субъекте.

Против этих двух проблем, конечно, есть противоядие: никогда не поздно вернуться к истокам. «Назад, к Хальббаксу!» — что может быть более актуального для digital memory studies, чем этот радикально консервативный призыв? Подавляющее большинство исследователей DMS, вне зависимости от дисциплинарной оптики, крайне редко перечитывают классиков. Полагая, что рассуждения о «социальных рамках памяти» — это какой-то трюизм, годный лишь для ритуальной ссылки, исследователи «цифровой памяти» (во всем мире, не только в России) удивительно мало проблематизируют базовое понятие «коллектива» как носителя и провокатора совместных воспоминаний — так, как будто такие феномены, как «семья», «горожане», «политическая», «классовая», «религиозная» и «национальная» солидарности, ис-

чезли только потому, что появились интернет-мемы про Ивана Грозного и доступный Wi-Fi. В этом смысле нет ничего радостнее, чем читать статью, в которой авторы сначала проблематизируют «коллектив» и только потом исследуют, как его участники пользуются возможностями Сети и других цифровых посредников.

Наконец, еще лучше, когда авторы, полагаясь уже на Яна Ассмана и Алейду Ассман как теоретиков культурной памяти, берутся заглянуть под крышку «черного ящика» и объяснить, как в цифровую эпоху реально работают «институты памяти», изначально цифровой или оцифрованной. «Институты памяти» — это институции, обеспечивающие долговременность культурной памяти (архив, музей), ее ритуальную повторяемость или вовсе влияющие на историческую политику и политику памяти, «конструирование» или «преодоление прошлого». Цифровая эпоха повлияла на институты памяти так же кардинально, как и на коллективы, включая массовые общественные движения памяти. И эта трансформация важна в двояком смысле, поскольку мы обязаны историзировать не только переход из доцифровой эпохи в цифровую, но и этапы внутри нее, о чем пишет С. В. Тихонова, упоминая поколенческие разрывы во взаимодействии пользователей: да, мы уже поняли, что произошла цифровая революция памяти, но чем 1999 г. отличается от 2009 г., а 2019-й — от 2023-го? Как поменялась социальная реальность памяти в эпоху, когда «социальное» становится синонимом «цифрового» и наоборот? (см. важную реплику Д. А. Аникина на этот счет).

Таким образом, «коллектив» и «институт памяти» — два важнейших двигателя коллективной и культурной памяти о прошлом, при этом именно они являются самыми недооцененными предметами исследования в digital memory studies, где многие авторы, воодушевленные природой новых медиа и изобилием данных, совершают ошибку, считая «производное» более важным, чем «производящее», и часто забывая об историчности цифровых посредников. У «цифровой памяти» есть не только настоящее, у нее уже имеется богатое прошлое; более того, мы подходим к тому, чтобы концептуально различать «цифровую память» и «память о цифровом» как два различных феномена. Если вы (лично вы) можете содержательно ответить на вопрос: «Помните ли вы свои чувства, когда в октябре 2010 года Павел

Дуров убрал “стену” во “ВКонтакте”?», велика вероятность, что а) мы с вами принадлежим одному поколению; б) мы помним о событии, которое не произошло нигде, кроме как в Сети.

Наконец, в DMS есть вещи, которые волнуют лично меня, но я уверен, что совсем не одинок. Это память города и семьи. Город и семья — это две великие общности, вокруг которых кристаллизуется любая значимая коллективная память. Конечно, цифровая память города и «память цифровых городов»³⁵ все еще находится на периферии внимания исследователей DMS. Однако, изучая «цифровую память» о блокадном Ленинграде, которую создают жители современного Петербурга, видно, насколько радикальной может быть трансформация городской памяти в цифровую эпоху. Такие проекты, как «Связь времен» Сергея Ларенкова, мобильное приложение «Блокада.Имена» (в свою очередь, связанное с данными из базы данных Центра «Возвращенные имена» и городским ритуалом «День памяти 8 сентября») или AR-«метавселенная» «Блокадные маршруты», воспитывают в горожанах навык «двойного зрения» современного Петербурга / блокадного Ленинграда, что влияет на воображение и эмпатию к страданиям людей в прошлом. От обособления памятных мест, например Пискаревского кладбища, мы переходим к констатации их повсеместности (так, благодаря цифровой карте горожанин может понять, что весь центр Петербурга представляет собой братскую могилу), а от абстрактности памяти («Никто не забыт, ничто не забыто») к ее конкретности («Этот человек не забыт, это событие не забыто»). Изучение «цифровой памяти города» объясняет, как происходит переход от утопии памяти о войне к ее гетеротопии. Гражданская религия памяти о блокаде требует, чтобы каждый ленинградец имел право на свидетельство, дневник, архив, индивидуальную судьбу в «большой исто-

35 Такое разделение вполне оправданно концептуально, поскольку в современную эпоху — в связи с развитием многопользовательских симулятивно-интерактивных миров и игр — речь идет не только о том, чтобы исследовать, как память горожан физически существующих населенных пунктов (Москва, Токио, Венеция, Иерусалим) представлена в цифровых посредниках памяти, но и исследовать память «горожан» тех городов, которые изначально созданы и существуют только в цифровом пространстве (Вайтран, Штормград, Вайс-Сити, Сен-Дени), в том числе и в VR-пространстве (локации VRChat и творчество пользователей Roblox, например). — А. Л.

рии», а цифровая культура воспринимается новым поколением как право блокадников на лучшую память.

Цифровая память городов и «цифровые города» — отличный предмет исследования, учитывая, что сегодня любой город является палимпсестом материального и «цифрового», в том числе в контексте коммеморации событий и функционирования мемориальных ландшафтов (при этом любопытно, что в англоязычных *memory studies* и даже в самих DMS в эту проблематику большой вклад внесли именно географы, чьи российские коллеги, судя по всему, не так сильно (пока?) озабочены проблематикой коллективной памяти).

«Цифровая постпамять», на мой взгляд, это не менее многообещающее направление в области изучения семейной и межпоколенческой памяти и ее аффилиативной составляющей по отношению к памяти социальной. Концепт «цифровой постпамяти», который я развиваю в настоящее время, объединяет в себе два исследовательских вопроса, являющиеся фундаментальными для современных *memory studies*, но которые редко объединяют воедино. С одной стороны, каким образом цифровая медиальность меняет культуру памятования в целом? С другой — каким образом следующие поколения детей и внуков конструируют, воображают и обновляют репрезентацию опыта предыдущего поколения для того, чтобы память об этом опыте оставалась актуальной? Слово «опыт» уместнее всего, поскольку базовое определение «постпамяти», данное М. Хирш на основе изучения памяти потомков свидетелей Холокоста, при всей влиятельности является крайне узким, концентрируясь на травматической составляющей памяти, но игнорируя ностальгическую, развлекательную или иную память как возможные опции воображения, проекции и эмпатии. Таким образом, я полагаю, что ключевой вопрос в исследовании «цифровой постпамяти» заключается в том, каким образом новое поколение меняет и актуализирует память о предыдущем при помощи цифровых медиа и какие глубинные последствия может иметь цифровой поворот такого рода (в том числе с точки зрения изучения институтов цифровой постпамяти — от цифровых архивов и баз данных до сайтов общественных движений, таких как «Бессмертный полк», или генеалогических, «семейных» социальных медиа, таких как «Семейные легенды» и др.).

Учитывая ажиотаж вокруг возможностей нейросетей и чат-ботов в 2023 г. и далее, нетрудно вообразить будущее семейной памяти и постпамяти, которое при всей этической невообразимости с каждым годом будет становиться все более реализуемым технически. Так, ребенок, появившийся на свет во второй половине XXI в. и далее, скорее всего, будет воспитываться внутри коллектива, который я бы назвал «расширенной цифровой семьей», когда новый член семьи будет общаться и перенимать опыт и память не только у живых, но и у цифровых образов, нейросетей родственников, возможно, умерших несколько поколений назад. Процесс постпамяти — это процесс объективации «своих» мертвых, но цифровая эпоха внесет коррективы в их эмансипацию: в этическую дихотомию «наши мертвые — наша собственность» и «мертвые — самое бесправное большинство на планете» добавится представление об агентности цифровых «нечеловеков», которые смогут, пусть и симулятивно, но говорить «за себя». Конечно, это не значит, что произойдет федоровское «воскрешение отцов» (а также дедов, матерей и бабушек), но такая новация приведет к революции в самом содержании «семейной памяти», когда семейная память будет восприниматься не как устная/письменная традиция трех поколений, а как соприсутствие множества поколений живых и «цифровых родственников» — нейросетей, натренированных на данных ограниченного цифрового архива, способных общаться друг с другом и даже учиться новому (что, кстати, довольно опасно). И хотя пример в виде «цифрового призрака» В. В. Жириновского, впервые представленный на ПМЭФ в 2023 г., уводит нас из семейной сферы в сферу политическую, мы должны понимать, что наследие покойных политических, культурных и общественных деятелей может иметь и такую персонифицированную форму.

Digital memory studies находится в начале существования. Институционализация DMS в России в виде научных центров, учебных программ и журналов пока еще выглядит далеким будущим, но это не значит, что цифровая память куда-то исчезнет, а наше настоящее, как это было уже много раз в истории, не станет прошлым. В 2040-е гг. ученые станут историзировать 2020-е так, как сейчас это происходит по отношению к 1990-м, и приставка «кибер» к таким историкам будет просто констатацией

того факта, что они изучают изначально цифровую цивилизацию. Есть подозрение, что «историк XIX и XX вв.» и «(кибер)историк XXI в.» (в том числе историк памяти) будут разными профессиями, объединенными общими тотемами, но всё более отличающимися компетенциями. Это не значит, что историк будущего станет программистом или умрет (как мечтательно угрожал в 1960-е гг. Ле Руа Ладюри), но он точно будет разбираться в low-code, по-своему и промтах для нейросетей, а вместо диссертаций будет защищать научные контрфактуальные симулятивно-интерактивные исторические миры. Если читатель ничего не понял в этом предложении, ничего страшного. Есть вероятность, что эти две профессии — историка и киберисторика — действительно начали расходиться в стороны. А memory studies очень скоро перестанет восприниматься без приставки digital.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов Д. С. Медиапамять: теоретический аспект // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Vol. 4. № 2. С. 65–83. DOI: 10.46539/gmd.v4i2.269.
- Ассман А. Четыре модели обращения с травматическим прошлым // *Гефтер*. 01 февраля 2016. URL: <https://gefter.ru/archive/17386> (дата обращения — 30.09.2023).
- Емельянова Н. Н., Лекторский В. А., Летняков Д. Э., Рогов А. В., и др. Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: Коллективная монография / под ред. Е. О. Труфановой (отв. ред.), Н. Н. Емельяновой, А. Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2022. 400 с.
- Куртов М. К теологии кода. Генезис графического пользовательского интерфейса. СПб.: Книжный дом, 2014. 84 с.
- Павловская А. Ю., Павловский А. Ф., Мельниченко М. А. «Цифровая общественная архивистика»: «Прожито» как цифровой архив, сообщество интерпретации и волонтерское движение // *Память в Сети: цифровой поворот в memory studies* / под ред. А. Ф. Павловского и А. И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. С. 256–274.
- Труфанова Е. О. Эпистемологический реализм как необходимое условие диалога // *Studia Humanitatis Borealis*. 2022. № 4 (25). С. 3–13.
- Brügger N. Digital Humanities in the 21st Century: Digital Material as a Driving Force // *DHQ: Digital Humanities Quarterly*. 2016. 10 (3). URL: <http://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/10/3/000256/000256.html> (дата обращения: 16.12.2023).
- Dijk van J. *Mediated Memories in the Digital Age*. Stanford: Stanford UP, 2007. 256 p.

- Erl A.* Literature, Film, and the Mediality of Cultural Memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / ed. by A. Erl, A. Niinning. Berlin; New York: De Gruyter. 2008. 389 p.
- Erl A., Rigney A.* Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory. Berlin: Walter de Gruyter, 2009. 256 p.
- Galloway A. R.* The Interface Effect. Cambridge: Polity, 2012. 200 p.
- Garde-Hansen J.* Digital Memories: The Democratisation of Archives // *Garde-Hansen J. Media and Memory*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. P. 70–88.
- Hoskins A., Halstead H.* The new grey of memory: Andrew Hoskins in conversation with Huw Halstead // *Memory Studies*. 2021. Vol. 14. № 3. P. 675–685.
- Kuntsman A., Miyake E.* The paradox and continuum of digital disengagement: denaturalising digital sociality and technological connectivity // *Media, Culture & Society*. 2019. 41 (6). P. 901–913.
- LaCapra D.* Trauma, absence, loss // *Critical inquiry*. 1999. Vol. 25. № 4. P. 696–727.
- Markham A.* The limits of the imaginary: Challenges to intervening in future speculations of memory, data, and algorithms // *New media & society*. 2021. 23 (2). P. 382–405
- Marwick A. E., Boyd D.* Networked privacy: How teenagers negotiate context in social media // *New media & society*. 2014. 16 (7). P. 1051–1067.
- Massimi M., Charise A.* Dying, death, and mortality: towards thanatosensitivity in HCI // CHI'09 Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems. 2009. P. 2459–2468. DOI: 10.1145/1520340.1520349.
- Miller D., Sinanan J., Wang, X., McDonald T., and all. Nicolescu R.* How the World Changed Social Media. London: UCL press, 2016. 286 p.
- Moss M.* Memory Institutions, The Archive and Digital Disruption // *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* / ed. by A. Hoskins. New York and London: Routledge, 2018. P. 253–279.
- Neiger M.* Theorizing Media Memory: Six Elements Defining the Role of the Media in Shaping Collective Memory in the Digital Age // *Sociology Compass*. 2020. Vol. 14. Iss. 5. DOI: 10.1111/soc4.12782.
- On Media Memory: Collective Memory in a New Media Age* / ed. by M. Neiger, O. Meyers, E. Zandberg. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 317 p.
- Ramsay D.* Tensions in the Interface: The Archive and The Digital // *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* / ed. by A. Hoskins. New York; London: Routledge, 2018. P. 280–302.
- Reading A.* Memobilia: The mobile phone and the emergence of wearable memories / ed. by J. Garde-Hansen, A. Hoskins and A. Reading. New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 81–95.
- Software Studies: A Lexicon* / ed. by M. Fuller. Cambridge: MIT Press, 2008. 334 p.

REFERENCES

- Artamonov D. S.* Mediapamjat': teoreticheskij aspekt // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Vol. 4. № 2. P. 65–83. DOI: 10.46539/gmd.v4i2.269. In Russian.

- Assman A. Chetyre modeli obrashhenija s travmatischeskim proshlym // Gefter. 01 fevralja 2016. URL: <https://gefter.ru/archive/17386> (date access — 30.09.2023). In Russian.
- Emel'janova N. N., Lektorskiy V. A., Letnjakov D. Je., Rogov A. V., and all. Individual'naja i kollektivnaja pamjat' v cifrovuju jepohu: Kollektivnaja monografija / ed. by E. O. Trufanova, N. N. Emel'janova, A. F. Jakovleva. Moscow: Akvilon Publ., 2022. In Russian.
- Kurtov M. K teologii koda. Genezis graficheskogo pol'zovatel'skogo interfejsa. Saint-Petersburg: Knizhnyj dom Publ., 2014. 84 p. In Russian.
- Pavlovskaja A. Ju., Pavlovskij A. F., Mel'nichenko M. A. «Cifrovaja obshhestvennaja arhivistika»: «Prozhito» kak cifrovoj arhiv, soobshhestvo interpretacii i volonter-skoe dvizhenie // Pamjat' v Seti: cifrovoj povorot v Memory Studies / ed. by A. F. Pavlovskiy, A. I. Miller. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press, 2023. P. 256–274. In Russian.
- Trufanova E. O. Jepistemologicheskij realizm kak neobhodimoe uslovie dialoga // Studia Humanitatis Borealis. 2022. № 4 (25). P. 3–13. In Russian.
- Brügger N. Digital Humanities in the 21st Century: Digital Material as a Driving Force // DHQ: Digital Humanities Quarterly. 2016. 10(3). URL: <http://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/10/3/000256/000256.html> (date access — 16.12.2023).
- Dijk van J. Mediated Memories in the Digital Age. Stanford: Stanford UP, 2007. 256 p.
- ErlI A. Literature, Film, and the Mediality of Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / ed. by A. ErlI, A. Niinning. Berlin; New York: De Gruyter. 2008. 389 p.
- ErlI A., Rigney A. Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory. Berlin: Walter de Gruyter, 2009. 256 p.
- Galloway A. R. The interface effect. Cambridge: Polity, 2012. 200 p.
- Garde-Hansen J. Digital Memories: The Democratisation of Archives // Garde-Hansen J. Media and Memory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. P. 70–88.
- Hoskins A., Halstead H. The new grey of memory: Andrew Hoskins in conversation with Huw Halstead // Memory Studies. 2021. Vol. 14. № 3. P. 675–685.
- Kuntsman A., Miyake E. The paradox and continuum of digital disengagement: denaturalising digital sociality and technological connectivity // Media, Culture & Society. 2019. 41 (6). P. 901–913.
- LaCapra D. Trauma, absence, loss // Critical inquiry. 1999. Vol. 25. № 4. P. 696–727.
- Markham A. The limits of the imaginary: Challenges to intervening in future speculations of memory, data, and algorithms // New media & society. 2021. 23 (2). P. 382–405
- Marwick A. E., Boyd D. Networked privacy: How teenagers negotiate context in social media // New media & society. 2014. 16 (7). P. 1051–1067.
- Massimi M., Charise A. Dying, death, and mortality: towards thanatosensitivity in HCI // CHI'09 Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems. 2009. P. 2459–2468.
- Miller D., Sinanan J., Wang, X., McDonald T., and all. How the world changed social media. London: UCL press, 2016. 286 p.

Moss M. Memory Institutions, The Archive and Digital Disruption // *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* / ed. by A. Hoskins. New York and London: Routledge, 2018. P. 253–279.

Neiger M. Theorizing Media Memory: Six Elements Defining the Role of the Media in Shaping Collective Memory in the Digital Age // *Sociology Compass*. 2020. Vol. 14. Iss. 5. DOI: 10.1111/soc4.12782.

On media memory: collective memory in a new media age / ed. by M. Neiger, O. Meyers, E. Zandberg. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 317 p.

Ramsay D. Tensions in the Interface: The Archive and The Digital // *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* / ed. by A. Hoskins. New York and London: Routledge, 2018. P. 280–302.

Reading A. Memobilia: The mobile phone and the emergence of wearable memories / ed. by J. Garde-Hansen, A. Hoskins and A. Reading. New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 81–95.

Software studies: A lexicon / ed. by M. Fuller. Cambridge: MIT Press, 2008. 334 p.